

Вацлав
Михальский

Одинокому везде пустыня

роман

ТОМ ПЯТЫЙ

Вацлав Вацлавович Михальский
Собрание сочинений в десяти томах.
Том пятый. Одинокому везде пустыня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9528833

В. В. Михальский. Собрание сочинений в десяти томах. Том пятый. Одинокому везде пустыня:

«Согласие»; Москва; 2015

ISBN 978-5-906709-15-8, 978-5-906709-10-3

Аннотация

Роман «Одинокому везде пустыня» продолжает цикл романов Вацлава Михальского о судьбах двух сестер – Марии и Александры, начатый романом «Весна в Карфагене», за который писатель Указом Президента РФ от 5 июня 2003 года удостоен Государственной премии России.

Впервые в русской литературе на страницах романа Вацлава Михальского «Весна в Карфагене» встретились Москва и Карфаген – Россия и Тунис, русские, арабы, французы. Они соединились в судьбах главных героинь романа, дочерей адмирала Российского Императорского флота.

В романе «Одинокому везде пустыня» читатель вновь встречается с Марией и Александрой, но уже совсем в другом времени – на пороге и за порогом Второй мировой войны.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вацлав Михальский
Собрание сочинений в десяти томах.
Том пятый. Одинокому везде пустыня

© Михальский В. В.

* * *

Часть первая

С удивлением и разочарованием мы обнаружили, что разгромленные русские, очевидно, не осознают, что как военная сила они почти перестали существовать.

*Немецкий фронтовой генерал Блюментрит,
октябрь 1941-го, Московское направление.*

I

В четверг, 3 ноября 1941 года, Карен-маленький и безродная хохотушка Надя расписались в одном из работавших на тот момент загсов Москвы.

Погода стояла мгlistая, хотя иногда проглядывало солнышко, казавшееся в серой мути особенно ярким и желанным. Проглянет на минуту-другую – заблестят лужи с льдистой кожицей, заиграют блики на окнах, сплошь перекрещенных бумажными лентами, невольно разулыбаются люди, а оно – раз, и исчезло, и снова беспросветная мгlistость, а то и дождь со снегом сорвутся, но тоже как-то коротко, будто неуверенно, один только низовой северный ветер дул неизменно, ровно – мокрый, пронизывающий, как бы не оставляющий никаких надежд на потепление. В очереди у дверей загса кто-то мерз, у кого-то не попадал зуб на зуб, кто-то согревался спиртиком раньше времени, а Карену, Наде и их свидетелям, Сашеньке и Марку, сам черт был не брат. Накануне в их больнице, переименованной в военный госпиталь особого назначения, всему медицинскому и обслуживающему персоналу была выдана военная форма. При том бывший завхоз больницы Ираклий Соломонович, переименованный ныне в заместителя начальника госпиталя по тылу, проявил такие чудеса снабженческой хваткости и изворотливости, что каждому досталось и по шинели, и по овчинному полушубку, и по сапогам, и по валенкам на толстой резиновой подошве, и по шапке-ушанке, не говоря уже о прочем обмундировании, вплоть до нижнего белья и немереного количества байковых портянок. Вова-полторы жены и еще два шофера на трех полупортаках целый день возили барахло с армейских складов откуда-то с Зацепы¹. Все было новенькое, с иголки и насквозь пропахшее нафталином, видно, пролежало на складах не один год.

Наверное, была дана команда к тотальной раздаче барахла – Москва висела на ниточке, и хранить было теперь как бы уже и не для кого, разве только для немцев... А Ираклий Соломонович оказался в нужное время в нужном месте, да еще при своем транспорте. «Ну и молоток наш Ираклий Соломонович! – восхищался им Вова-полторы жены. – Ты представляешь, нам полушубки хотели зажать, так он как заорет на завсклада: “Ах ты, сучий потрох, немца ждешь? Да я тебя лично пристрелю!” И даже кобуру свою стал расстегивать, а я-то знаю, там у него деревянный, сам ему делал, боевые – в оружейной комнате. Вот какой молодец наш Соломоныч, а всегда был такой тихий! Ну тот завсклада сразу перетрухал и говорит: “Да забирайте вы хоть все! Ты прав! Не немца же нам одевать!” Вот какой молодец Ираклий Соломонович!»

Так что группка Карена-маленького под дверями загса завидно выделялась среди прочей публики – все четверо были в полушубках, в ушанках, в сапогах. А желающих скрепить брачные узы оказалось так много, что очередь втекала в замызганные грязно-серые двери с улицы, и пришлось ждать почти три часа из тех двадцати четырех, что были отпущены новобрачным начальником госпиталя. Сашеньке было теплым-тепло в полушубочке, хоть и про-

¹ Зацепа – один из районов Замоскворечья.

вонявшем насквозь нафталином, а некоторые девчонки стояли в пальтишках на рыбьем меху или в фуфаячках, да еще и в туфельках; одна белобрысенькая, лет восемнадцати, вообще была в лакированных лодочках, и жених оттирал ей между большими красными ладонями то одну, то другую ступню в фильдеперсовом чулочке.

Из торчавшей на столбе у автобазы черной тарелки репродуктора вдруг раздалась бра-вурная музыка, и через секунду-другую все пространство заполнил чеканный голос Левитана:

«Сегодня, 3 ноября 1941 года, перед рассветом, на ближних подступах к городу Севастополю завязался бой с подошедшими передовыми частями врага. В ожесточенном бою малочисленные войска Севастопольского оборонительного района, состоящие из отдельной приморской армии генерала Петрова и части севастопольского гарнизона, корабли и авиация Черноморского флота под командованием вице-адмирала Октябрьского отразили все попытки врага овладеть Севастополем. Враг прекратил атаки и отошел на исходные позиции...»

Все заулыбались, несколько человек вразнобой крикнули «ура», и вдруг блеснуло из-за туч солнышко, пусть на минутку, но блеснуло... Все расценили это как добрый знак их будущему супружеству, и очередь пошла веселей.

В большой, заставленной картонными коробками комнате давно не топили, так что даже чернила замерзли в старинном бронзовом приборе с головами львов, перекочевавшем в этот загс, верно, с какого-то дореволюционного барского стола или из богатого присутствия². Расписывались химическим карандашом, чтобы роспись получилась наверняка, каждый жених и каждая невеста слюнявили острие карандаша, а потом расписывались, и от этого на кончиках их языков оставались синие метки, а кто-то умудрялся и губы вымазать синим – смеялись по этому поводу все, с восторгом показывали друг дружке языки и хохотали так неостановимо, так сладко! Смеялись невесты, смеялись женихи, хохотали свидетели, и даже строгая женщина в темно-синем кителе – заведующая загсом – и та сдержанно хихикала. Женихи и невесты были в основном молоденькие, но попадались и тридцатии сорокалетние пары, так что уже по одному этому факту можно было сделать вывод, что народ приготовился воевать не на шутку, что люди слепляются, чтобы стоять тверже, а не собираются бежать врассыпную.

Свидетельницей со стороны невесты Нади была, конечно, Сашенька, а свидетелем со стороны Карена – сын Софьи Абрамовны Марк: оказывается, они с Кареном играли в одной шахматной команде и даже занимали какие-то призовые места на московских городских турнирах, что говорило о довольно высоком уровне их мастерства.

Еще до загса, рано утром, Марк принес в пристройку к кочегарке, где жили Сашенька и Анна Карповна, килограмма два говядины, десяток луковиц, две головки чеснока, бутылку шампанского 1938 года розлива³ и кулек карамелек – по тем временам это была баснословная щедрость; Карен принес поллитровую банку топленого масла из Армении, Надя, как самая неимушная, свою пайку хлеба, Сашенька купила у знакомой торговки пять яиц и килограмм пшеничной муки первого сорта, квашеная капуста и картошка были у Анны Карповны припасены свои. Так что стол накрыли отменный, жаркое получилось у Анны Карповны такое – пальчики оближешь! Еще Карен принес какой-то странный предмет, завернутый в розовое потертое байковое одеяльце, и положил его на кровать.

– Он замерз! Тепер, пока мы на загс, пуст погрееет! Хорошо? – спросил он Анну Карповну.

² Присутствием называли до 1917 года всякого рода государственные учреждения.

³ А в эти дни 1941 года на заводе шампанских вин в Замоскворечье была пущена линия по розливу в бутылки из-под шампанского зажигательной смеси.

Та согласно кивнула, и, не любопытничая, что там, в свертке, принялась готовить еду, а молодые вывалились гурьбой за двери пристройки и пошли скорым шагом в загс, уверенные, что дел там у них минут на десять-пятнадцать, что они будут единственными в своем роде.

Стол, накрытый Анной Карповной, источал такие ароматы, а все были так голодны и счастливы, что свалили полушубки и ушанки кучей на ларь с книгами – и сразу с места в карьер... Марк ловко откупорил шампанское – пробка вылетела в потолок, едва не угодив в потолочное окошко, крест-на-крест перечеркнутое бумажными полосами.

– Эй, Марк, – вскрикнула Надя, – ты так их без стекол оставишь!

– Ничего, – сказал Марк, – не бойся, Наденька, я не промахнусь! – и разлил шампанское по граненым стаканам и чайным чашкам, которые удалось собрать.

Выпили за молодых.

Выпили за родителей Карена в их далекой каменистой Армении.

Выпили в память родителей Нади, умерших в 1933 году от голода, в степном селе под Сальском.

Выпили за то, чтобы немец не взял Москву.

Хвалили жаркое, хвалили капусту, хвалили картошку, хвалили оладушки. Ну и, само собой, хвалили в первую очередь искусницу Анну Карповну, а она только кивала головой и улыбалась: она ведь не говорила по-русски...

Карен встал и прошел из-за стола к кровати, к свертку в байковом одеяльце.

– Что там у тебя? – полюбопытствовала Сашенька.

– Скрипк, – сказал Карен, разворачивая ее, как дитя, из одеяльца, и его большие черные глаза вспыхнули так ярко, так одухотворенно, что всем как-то сразу стало по-детски радостно, и война словно отодвинулась куда-то далеко-далеко, а не нависала над стенами Москвы своей огнедышащей окровавленной тушей.

Скрипка была не стандартная, но вроде и не самоделка, темный лак лежал ровно, линии были отточенные, чистые, смычок был тоже вполне хороший на вид.

– Моя дед сама немножко отремонтировала этот итальянски скрипк, он немножко ломал. Моя дед играл всегда и сам делал скрипк. У нас на свадьб всегда играют песня «Царен, Царен», я тоже хочу играл, чтобы был как армянский свадьб мало-мало...

– Давай! Давай! Играй, Каренчик! – поддержали его все, кроме Анны Карповны, хотя и она тоже кивала и улыбалась в знак согласия.

Карен заиграл. Песня была красивая, протяжная, немножко печальная.

– О чем эта песня? – спросила Надя.

– О любимый девушк, – ответил Карен.

– Ну если уж армяне играют на скрипках, то нам, евреям, сам Бог велел! – весело сказал Марк. – А ну-ка, дай инструмент!

Марк довольно профессионально сыграл чардаш Монти, а потом гавот Госсека.

– А вы хорошо играете, – похвалила его Сашенька. – Карен, конечно, тоже хорошо...

– Еще бы мне не играть! – засмеялся Марк. – Из каждого еврейского мальчика пытаются сделать Никколо Паганини или, на худой случай, хотя бы Яшу Хейфеца⁴, а когда всем становится понятно, что номер не удался, наконец отдают в дантисты. Моя дорогая мамочка Софья Абрамовна таскала меня семь лет в музыкальную школу как проклятого.

Было заметно, что Марк и играет на скрипке, и острит для одной только Сашеньки, что она ему очень нравится. Сашенька все это тоже видела, чувствовала, но не радовалась своей власти над взрослым, красивым и как будто весьма неглупым мужчиной. Ей было лишь неловко перед мамой и перед Кареном с Надей. И она сразу после чая с оладушками предложила:

⁴ Яша Хейфец в 1934 году приезжал в СССР на гастроли, и его имя было у всех на слуху.

– А не пора ли нам в госпиталь? А вы, Наденька, располагайтесь как дома, будь хозяйкой. Мама дарит тебе пуховую подушку, а я две простыни, не новые, но очень крепкие, полотняные.

– А я дарю шахматы! – не замедлил проявить себя Марк и вынул из кармана коробочку со своими заветными миниатюрными шахматами, которые подарил ему когда-то дед Лейбо и которые до последней секунды он никак не имел в виду передаривать Карену. Но слово не воробей – передарил, хотя Сашенька в эту минуту вообще отвернулась от стола и не видела столь шикарного жеста. Анна Карповна, Сашенька, Марк оделись, притом Марк церемонно помогал женщинам, и, простившись с молодоженами, вышли в темную ночь, можно сказать, в черную – Москва была затемнена наглухо. Всем троим предстояло ночное дежурство. Сашеньке хотелось поговорить с мамой, но Марк тараторил без умолку, и его шансы на доброе отношение Сашеньки катастрофически падали с каждой минутой. Хотя он говорил и умно, и весело, но, увы, не в том месте, не в то время и не с теми, кого это могло заинтересовать. Когда подходили к черному прямоугольнику госпиталя, Сашенька уже почти ненавидела своего ухажера.

II

Анна Карповна перешла из посудомоек на работу в госпитальную прачечную и работала по двенадцать часов в день, а потом еще два часа «поддежуривала» на крыше госпиталя на случай налета немецких бомбардировщиков, для борьбы с «зажигалками», как они называли между собой зажигательные бомбы.

Сашенька, при ее новой должности, можно сказать, работала всегда – бывало так, что она по несколько суток не выходила из госпиталя даже во двор, глотнуть свежего воздуха. Война оказалась прежде всего тяжелой, непрерывной работой, притом кровавой и грязной. Кровь, гной, вонь, черви в ранах, вши, и не штучные, а копошащиеся слоем, ампутированные руки, ноги, выбитые глаза, раскрытые черепа, и каждый Божий день – смерть, смерть, смерть. Когда соприкасаешься с этим в единственном числе, тебя потрясает, ужасает, выбивает из колеи, а когда все это день ото дня и ночь от ночи стоит на потоке, то оказывается, что человек способен выдержать, человек, оказывается, так устроен, что способен превозмочь нечеловеческое. Ни свыкнуться, ни смириться с этим нельзя, но ты понимаешь, что должен это делать, потому что, кроме тебя, это не сделает никто. И тогда возникает «запредельное торможение»⁵ нервной системы – ты видишь, осязаешь, обоняешь, осознаешь, но не воспринимаешь всю полноту отрицательных эмоций. Запредельное торможение наступило, и ты живешь и действуешь за этим прозрачным щитом, за пределом человеческих возможностей.

Так и летели дни и ночи...

3 августа 1942 года, день в день через девять месяцев, у Карена-маленького и хохотушки Нади родился сын Артем, и все они как бы очнулись и снова собрались дома у Сашеньки и Анны Карповны отметить это событие.

III

Когда в пристройку к кочегарке ввалились молодые радостные Карен, Марк, Сашенька и Надя с младенцем на руках, у Анны Карповны уже был накрыт стол. Даже более богатый, чем в день свадьбы: на этот раз позаботился о продуктах лично заместитель начальника госпиталя по тылу Иракий Соломонович Горшков. Про него не зря ходила байка: «Что ему

⁵ Медицинский термин, введен в научный оборот академиком А. А. Ухтомским (1875–1942).

не доставало, он тотчас же доставал – самый лучший доставала из московских доставал». Секрет успеха был в том, что к тому времени Марк уже переквалифицировался из обычного дантиста в челюстно-лицевого хирурга и достиг на этом новом для него поприще удивительных успехов: он еще не был лучшим в госпитале, но дело к этому шло. А что касается Ираклия Соломоновича Горшкова, то ему Марк привел в боевое состояние обе челюсти, и тот не знал, как его отблагодарить, отсюда и продукты на столе: и сухая колбаса, о которой все собравшиеся думали, что ее давно уже нет в природе, и шпроты, и канадская белейшая мука для пышек, и даже бутылка шампанского бог весть из каких запасников.

– Та како воно манэсэнко! Ой, хлопчик гарний! Ой, гарний! – засюсюкала над маленьким Анна Карповна.

Они с Надей положили его на кровать и стали менять пеленки. Младенец обкакался, и это было громогласно признано всеми как добрый знак, а точнее, намек на будущее богатство.

– Богатый будет! – первым сказал Марк, который всегда старался быть первым, и все подхватили:

– Богатый! Уй, богатый!

И тут же рассмеялись: откуда у человека взяться богатству при советской власти? Хотя ошиблись: Артему Кареновичу действительно предстояло богатство, притом настоящее: со счетами в иностранных банках, с большим загородным домом в ближнем Подмосковье, с телохранителями, с челядью и т. д., и т. п. Но разве тогда хоть кто-нибудь мог это вообразить? Нет, конечно, не мог... Но до этой превратности в судьбе Артема Кареновича было еще полвека с маленьким гаком. А пока будущего буржуя помыли, запеленали и взяли за стол на первое в его жизни пиршество. На руках у Анны Карповны он вел себя вполне прилично – уснул после первого же тоста в его честь и не просыпался во время всего застолья.

– Тетя Аня, – сказала Надя, – вы прямо секрет какой-то знаете. Как это он у вас вдруг уснул?

Анна Карповна улыбалась и кивала головой – она ведь не говорила по-русски.

Всем было хорошо. Карен гордился, что у него родился продолжатель рода. Марк был рад, что есть возможность посидеть рядом с Сашенькой – он все так же неустанно оказывал ей знаки внимания и все так же не имел ни малейшего успеха. Надя светилась от счастья: у нее и муж, и сын, и все, слава богу, идет нормально, даже обещали дать комнату, а пока они жили по разным общежитиям – Карен в мужском, а она, Надя, в женском. Но Ираклий Соломонович вчера сказал: «Я буду не я, если я эту комнату для вас не вицыплю!» Теперь они верили, ждали: Ираклий Соломонович слов на ветер не бросал. Надя похудела и похорошела, с материнством она даже как бы вдруг поумнела, а может быть, просто стала меньше тараторить по любому поводу. Сашенька тоже сияла от счастья и была вся напряжена, видимо, от какой-то одной ей известной тайны.

На скрипке в этот раз не играли, времени на гулянку было отпущено всего четыре часа. А потом Карен и Марк заступали на дежурство, каждый в своем отделении. У Сашеньки и Анны Карповны было что-то наподобие выходного дня и полной свободной ночи – такое выпадало примерно раз в три-четыре недели. У Нади была в запасе уйма времени, может, неделя, а то и все две! Чего в общежитии сидеть? А как будет с малышом, бог его знает. Как-нибудь все устроится, девчонки помогут, Карен поможет, Анна Карповна, – все помогут, тут даже и говорить никому ничего не надо.

Ни о войне, ни о работе в госпитале за столом не говорили. Только Надя вспомнила про пса Хлопчика и про кошек: Тусю, Мусю, Марысю и Панночку, которые, несмотря на войну, прекрасно жили в затишке при посудомойке. Котят разбирали теперь не так охотно, как до войны, поэтому их скопилось за последнее время довольно много. Старшие кошки не давали особой воли своим отпрыскам и драли их беспощадно, а подросших котов вообще

изгоняли за больничный забор. Исключение было сделано только для некоего Мурзика, сына Панночки, который вошел в такое доверие к Хлопчику, что спал вместе с ним в его будке, ловил на нем блох и еще исполнял такой цирковой номер, на который сбегалось посмотреть полгоспиталя, фактически все ходячие. Ни мало ни много Мурзик засовывал свою буйную голову в огромную, широко раззявленную пасть Хлопчика, и они замирали на десять-двадцать секунд – такая у них была игра на доверие.

Застолье пролетело как одна минута.

– Ого! – взглянул на свои наручные часы Марк. – Пора бежать! – Но не встал из-за стола, а налил себе и Карену спирту и сказал: – Извините, что молчал. Ну, в общем, так получилось, добился я, наконец... Послезавтра ухожу в действующую армию. Давай, Карен, выпьем на дорожку.

Мужчины чокнулись, выпили.

– Да, – сказал Карен, – на госпитал разрядк пришел, я знай. Шест человек разрядк. Кто точно, я не знай.

Сашенька побледнела. Марк благодарно улыбнулся ей, потому что подумал, что это она побледнела из-за него. Анна Карповна перепеленывала на кровати маленького и не видела этой сценки, и еще они о чем-то шептались с Надей. Надя по-русски, Анна Карповна по-украински, но, видимо, они достаточно хорошо понимали друг друга: языки-то родственные.

Мужчины простились и ушли, а женщины остались помыть посуду и почаявничать. День стоял жаркий, томительный, а здесь, в пристройке к кочегарке с ее толстыми стенами, было вполне сносно, так что малыш спал в свое удовольствие. Попили чайку с сахарином, потом Надя вдруг сказала, пряча глаза:

– Сашуль, ты отдохни, а мы тут с тетей Аней сходим по моим делам.

– Ради бога, – пожала плечами Сашенька, – не бойся, я за ним присмотрю.

– Да мы его тоже возьмем, – сказала Надя.

– А его зачем? Ма, зачем вы в такую духоту берете Артема?

Но Анна Карповна в этот момент уже выходила из двери и сделала вид, что не услышала Сашеньку.

Надя подхватила на руки малыша и выбежала вслед за Анной Карповной.

Сашенька сразу смекнула, что от нее хотят скрыть что-то очень важное. Она чуточку приоткрыла дверь и проследила в щелочку, как ее мать и Надя с младенцем торопливо пересекли их широкий двор и скрылись за углом. Недолго думая, Сашенька пустилась за ними следом, она пошла им наперерез через проходной подъезд, и скоро они попали в поле ее зрения. Куда они шли, пока было неясно. «Ну что ж, – решила Сашенька, – куда они – туда и я». Минут через десять стало понятно, что направляются беглянки напрямик к Елоховскому собору. Собор действовал. Нужно сказать, что с войной позиция власти предрержащей в отношении верующих заметно смягчилась. И это было понятно: чтобы удержать дух народа на высоте, годилось все, и в первую голову старые средства, испытанные веками.

Анна Карповна и Надя с младенцем направились к черному ходу собора. Сашенька знала здесь каждый уголок, и ей не составило труда прокрасться за ними следом и пока не выдавать себя. В храме было пусто и полутемно, особенно со света, но через минуту-другую Сашенька присмотрелась: Надя с младенцем на руках приткнулась в темном углу и зверовато озиралась по сторонам – было сразу понятно, что не только в этом соборе, а вообще в церкви она в первый раз в жизни. Анны Карповны не было видно, значит, она скрылась где-то в боковой двери, наверняка ищет батюшку. Зачем? Теперь-то понятно. «Значит, маленькому Артему предуготована участь креститься в той же купели, что и Пушкину, – подумала Сашенька. – Что ж, быть тогда мне крестной матерью!»

Скоро появился низкорослый батюшка в темной рясе, а за ним Анна Карповна – по всему было видно, что они успели договориться.

– Ну, шо, молодайка, – весело обратилась Анна Карповна к Наде, – пан отец згоден⁶. И они деловито направились к купели, Надя с младенцем на руках поспешила за ними.

– А что армяенок, то не беда, – степенно говорил пожилой грузный батюшка, лица которого Сашеньке не было видно. – Я и китайчонка, было дело, крестил, а армяенок – это тебе не штука, армяне, они почти православные, а этот по матери тем более русак. Крещеного Бог лучше сохранит. А что армяенок, ничего, война и не такое спишет. По-моему, там воды нету, – заглянув в купель, добавил батюшка, – надо принести со двора. Если подкачать колонку, то, может, и набежит ведро. Анна Карповна взяла от купели два пустых ведра и быстро пошла знакомой ей дорогой на выход. А как только она вышла, тут-то Сашенька и выдала себя, неловко переступив с ноги на ногу. Реакция у батюшки была мгновенной, только за пистолет не схватился.

– А вы почему здесь, гражданка?

– Саня, ты что, тебе нельзя! – испуганно зашептала Наденька. – Тебя накажут, ты что!

– А тебя? – усмехнулась Сашенька.

– Да я за ради Артемки на все готова! – вдруг горячо сказала Надя, сказала тоном, совершенно ей не свойственным, не слыханным от нее доселе.

– Я дочь Анны Карповны, – сказала Сашенька батюшке.

– А-а, это другое дело... А вы, барышня, сами крещеная?

– Да, я крещеная. И сейчас хочу быть крестной матерью этому мальчику Артему.

Анна Карповна принесла полные до краев ведра воды и сделала вид, что совсем не удивилась Сашеньке. Она слышала последние слова дочери, они ее не смущали, а только порадовали – в конце концов будь что будет! Сколько можно все это терпеть, молчать, таиться? Тем более не дело играть в дурика в храме Божьем!

Младенец крестился вполне благополучно и радостно, он даже не заплакал – имя ему было дано Артемий, а крестной матерью записана Александра Галушко.

Анна Карповна передала ребенка батюшке, и тот повесил на шею новокрещеному легонький оловянный крестик.

Из церкви Надя с Артемом побежала в общежитие – пришла пора сцеживать молоко, а Анна Карповна и Сашенька пошли вечерующими улочками Москвы к себе домой. Улочки были тихи и безлюдны, жара спала, они шагали не спеша и говорили между собой по-русски.

– Теперь тебя затаскают, – сказала мать.

– А как они узнают?

– Это элементарно. У них всё на контроле.

– Не успеют! – жестко сказала Сашенька. – Ма, ты прости, что я до сих пор молчала, но я, как и Марк...

– Понятно, – сказала мать после долгой паузы. – И что, в одну часть?

– Вряд ли. – Сашенька улыбнулась. – Какой он все-таки нудный...

– Просто у тебя другой на уме. Что о нем слышно?

– Софья Абрамовна говорит, что он на передовой, а где, она толком не знает, говорит – главный хирург, а чего – тоже толком не знает – то ли госпиталя, то ли целой бригады или армии. Говорит: семья за него хорошо получает.

– Слава богу! Хирург он, конечно, отменный, а что за человек, не знаю... И когда ты уходишь?

– Послезавтра с вещами, а куда – не знаю.

– Что ж, – сказала Анна Карповна, – дело военное, рассуждать тут не о чем. А может, оно и к лучшему – развеешься, встретишь кого...

– Мне никто не нужен.

⁶ Батюшка согласен (укр. разг.).

- Нужен не нужен – жизнь подскажет. Только еще раз прошу тебя – не пей на фронте!
- Да ты что, ма? Ты что?
- Саша, не будь наивной. Разве ты не видишь, сколько пьют у нас в госпитале? А это еще не фронт, не ад, это только предбанник ада. И пьют не от распущенности, а от страха, от жизни, от смерти чужой заслоняются, от боли. И женщины многие попивают, а для них это дорога в бездну. Женский алкоголизм безвозвратен, его не лечат.
- Но я ведь тебе обещала! Я же поклялась!
- Ой, смотри, смотри, доченька, благими намерениями дорога в ад вымощена.
- Ма, я поклялась, сколько можно!
- Ладно. Больше не буду об этом. Немец рвется к Волге, сегодня утром я слушала – идут бои под Сталинградом. Наверное, туда вас и бросят. Там все главное только и начинается, помяни мое слово⁷.
- Ты разбираешься в стратегии? Откуда у тебя это?
- Не знаю! – засмеялась Анна Карповна. – У нас ведь род армейский да флотский. Чего тут разбираться? Если немец возьмет Сталинград, будет очень плохо. Бакинская нефть, Кавказ – все будет отрезано.
- Ма, а какую роль в нашей жизни сыграл папин денщик Сидор Галушко?
- Большую. Потом как-нибудь расскажу, это отдельная история.
- Когда же потом? Я ведь на фронт уйду!
- А вот придешь с фронта, я и расскажу, – нежно глядя на дочь, улыбнулась Анна Карповна.
- А мы победим?
- Непременно!
- А хороший был человек этот Сидор Галушко или очень хороший?
- Неплохой.
- Мама явно уходила от разговора, и Сашенька настояла на его продолжении.
- А хоть фамилию его носить не стыдно?
- Раз мы столько лет ее носим, значит, не стыдно. Что, графская кровь заговорила? – усмехнулась мама.
- Да! – засмеялась Сашенька. – Получается, что так... Раньше мне до того не нравилась наша фамилия, что я ее ух как не любила! А теперь, когда знаю, что есть и другая, настоящая, я вроде бы смирилась.
- Ну да, – сказала весело мама, – это когда у тебя в гардеробе висит хороший костюм, то можно поносить и плохонький, притом совершенно спокойно. Так человек устроен: ему главное – знать, что у него за душой есть запасец. Я видела очень богатых людей, которые одевались кое-как, но при этом у них была такая властность в движениях и жестах, что никто не признавал их за бедняков или за людей, нарушающих правила хорошего тона. В любой ситуации держись уверенно, и все подумают, что так и надо, что это не у тебя какая-то оплошка, а они чего-то недопонимают.

IV

На другой день, накануне отъезда на фронт, все шестеро открепленных из госпиталя неожиданно получили правительственные награды: Сашенька – орден Трудового Красного

⁷ Нанося главный удар на Сталинградском направлении, противник потеснил ослабленные в предыдущих боях части Юго-Западного фронта и к 15 июля овладел Богучаром и Миллеровом. В районе большой излучины Дона враг был временно задержан резервными войсками, выдвинутыми Ставкой Верховного Главнокомандующего для прикрытия Сталинграда. С 17 июля началась борьба на дальних подступах к Сталинграду. Сталинградская битва была развязана.

Знамени⁸, Марк – «Знак Почета», а остальные – медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие»⁹. Начальник госпиталя, главврач, поздравляя награжденных, скромно умолчал о том, что все эти награды добыты исключительно его хлопотами и ходатайствами, в том числе и благодаря его личным связям, его громкому имени. В свое время он был знаменитым хирургом, а где-то к шестидесяти годам его руки поразил артроз, и он, как говорил сам о себе, «выбыл из игры» и занялся организаторской деятельностью. Начальник госпиталя не получил никакой награды и, кажется, ничуть не огорчился этому. Что касается Сашеньки, то ей не хотели давать сразу такой высокий орден, но начальник госпиталя объяснил в инстанции, что это у нее не первая, а вторая правительственная награда – он имел в виду ту самую пресловутую Грамоту ВЦИК за физкультурный парад на Красной площади, которая, как оказалось, открыла для Сашеньки многие тяжелые двери, так что она совсем не зря простояла пять минут вверх ногами над знаменитой брусчаткой.

С ответным словом от награжденных выступила Сашенька, как получившая наиболее высокую награду.

– Спасибо, что вы нас отпускаете, товарищ главный военный врач! Спасибо вам, дорогой Иван Иванович, – вдруг сбилась с официоза Сашенька, и все присутствовавшие в зале заулыбались и захлопали в ладоши.

– Да разве ж я вас отпускаю? – сказал глав врач. – Отрываю с кровью, у меня все хорошие, но вы – из лучших. Воюйте, ребята! За Родину! Ура!

– Ура! Ура! – громко и нестройно подхватили медсестры, врачи, санитары и ходячие больные, набившиеся в конференц-зал.

– Так ты у меня и в генералы выйдешь! – счастливо сверкая глазами, сказала мать, когда они остались дома одни.

– В адмиралы! – засмеялась Сашенька. – Обожди, я до моря доберусь и выйду в адмиралы!

– Дай бог! Дай бог!

– Ма, ты не ходи меня провожать, хорошо?

– Хорошо. А почему?

– Такая примета есть – это мне Матильда сказала.

– Ну ладно, поверим Матильде, ей, циркачке, видней. У них риск на каждом шагу, а где риск – там и приметы. Ты знаешь, я ведь верю в приметы. У нас, у морских, тоже есть похожая. С Богом, доченька, я тебя дождусь, не сомневайся. – Мать троекратно перекрестила Сашеньку и трижды поцеловала. – С Богом! – И она осталась стоять у порога пристройки, а Сашенька шла, оборачивалась и махала ей рукой. Так как мама не говорила на людях по-русски, они настолько научились понимать друг друга при помощи мимики и жестов, что даже простое помахивание ладошкой над головой имело для них столько оттенков, сколько никакими словами не перескажешь. Так и порхали над их головами ладошки, как птицы, так и переговаривались, пока Сашенька окончательно не скрылась за обшарпанным углом их многоквартирного дома.

V

Всю свою жизнь до фронта, даже на одни сутки, Сашенька никогда не расставалась с мамой. Нельзя сказать, что мама контролировала каждый ее шаг, нет, мама была настолько умна и деликатна, что не позволяла себе ни поучать, ни навязывать свое мнение – все шло

⁸ Орден Трудового Красного Знамени учрежден 7 сентября 1928 года.

⁹ Медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» учреждены 27 декабря 1938 года.

как бы само собой, якобы при полной самостоятельности Сашеньки, но это была лишь видимость, за этим стояло виртуозное умение мамы управлять, как бы не управляя.

Сашенька обожала маму, они так крепко притерлись друг к другу, что многое понимали без слов. А что слова? Сколько можно сказать руками, плечами, движением бровей, губ, сколько можно сказать молчанием? А глазами?! Да это же целый мир! Не зря сказано: «Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли». В некотором роде жесты и мимика тоньше и богаче словесного выражения. Иногда то, что не высказать словом, можно показать с таким количеством и качеством оттенков и контекстов, которые недоступны ни устной, ни письменной речи. Только кивнуть головой можно в десятках, если не в сотнях, смыслов. Обычно они с мамой так и переговаривались на людях – молча. Сашенька думала, что она никогда не сможет оторваться от мамы, что это выше ее сил. А оказалось, что, вдруг оставшись один на один с миром, она почувствовала такую неизъяснимую свободу, такую легкость в душе, так воспарила, что ей даже сделалось стыдно перед мамой, как будто бы она ее предала. Всякий день на фронте она вспоминала тот миг, когда обернулась в последний раз и помахала маме рукой, а мама стояла на пороге их несурзной пристройки к еще более несурзной кочегарке, которые к Первомаю¹⁰ почему-то выкрасили в нежно-розовый цвет, с серыми потеками от весенних дождей, стояла с поднятой в ответном жесте рукой, и такая она была маленькая, худенькая, такая старушка, что слезы выступили у Сашеньки на глазах, и она так и повернула за угол, почти слепая.

Как всегда, мама не ошиблась. Сашеньку направили в район Сталинграда, хотя правильнее будет сказать, на окраину зарождающейся битвы, потому что до самого города от места дислокации ее ППГ¹¹ было километров двести пятьдесят, не меньше. Фронт, на который она попала, назывался Донским, и командовал им молодой Константин Рокоссовский. Сашеньке это очень понравилось, она даже хихикнула про себя: графиня Мерзловская при командующем Рокоссовском. На фронте Сашенька почувствовала себя очень хорошо, она будто проснулась после московской монотонности, как после летаргического сна, и увидела мир во всем его блеске и многоцветье. Оказывается, жить так весело! Оказывается, столько разных уголков русской земли! А какие веселые парни хирурги! А как безропотно признали ее верховенство над ними девчонки-медсестрички! Сашенька была назначена старшей операционной сестрой – ее орден, а в особенности то, из какого прославленного госпиталя Москвы она прибыла, автоматически сделали свое дело. А после трех-четырёх дней и нескольких операций, в которых она была занята, ее авторитет и вовсе стал непререкаем.

– Теперь я как за каменной стеной! – восхищался Сашенькой начальник госпиталя К. К. Гришук – здоровенный дядька килограммов на сто двадцать, совершенно лысый, но с густыми черными усами и живым блеском в умных, хитреных карих глазах, которые, может быть, и были сами по себе нормальных размеров, однако на его большом округлом лице с мясистыми румяными щеками казались очень маленькими, прямо-таки малюсенькими буравчиками; он всех сразу так и буравил насквозь – такая у него была манера, а потом начинал улыбаться, и глазки вообще западали. По специальности он был врач «ухо-горло-нос», что не мешало ему страдать хроническим гайморитом, на вид ему было лет пятьдесят, хотя не исполнилось еще и сорока. – Я, извините, как раз перед вашим приездом лично командующего фронтом Рокоссовского принимал. Инспекторскую поверку он нам сделал, и мы ему чуток помогли. Как раз по моей части оказалось дельце – воспаление среднего уха. Ну я ему все наладил, ординарец его даже потом, через недельку, звонил, благодарность передавал. Так что нас теперь и наше собственное медицинское фронтовое начальство про-

¹⁰ Праздник 1 Мая отмечался в стране как День международной солидарности трудящихся.

¹¹ ППГ – полевой подвижной госпиталь (военно-медицинская аббревиатура).

сто так не стопчет, о нас уже есть мнение, что мы – хорошие! – Начальник госпиталя расмеялся, как бы давая понять Сашеньке, что он тертый калач и всему цену знает.

– Командующий к вам специально приезжал? – удивленно переспросила Сашенька.

– Та не, просто проезжал мимо, видит – госпиталь, а тут у него ухо стреляет так, что мочи нет, вот он и завернул: «Есть у вас кто по ушам?» И тут я ему в масть как дам: «Так точно, товарищ командующий, есть!» – «Кто?» – «Я, товарищ командующий, начальник госпиталя Гришук К. К., опыт работы врачом “ухо-горло-нос” пятнадцать лет». – «Пятнадцать – это годится, – через силу улыбнулся командующий. – А что значит К. К.?» – «Константин Константинович, товарищ командующий!» – «О, так мы с тобой еще и полные тезки! Тогда давай, лечи!» – Ну, я от страху сам не свой, а все осмотрел толково и полез с инструментом в его ухо. Гноя пришлось откачать – будь здоров! Но он терпеливый мужчина, молодой, не старше меня.

– Да что вы? – удивилась Сашенька. – Ему, говорят, чуть за сорок.

– Ну а мне ж сколько? Мне только через полгода сорок будет. Я и говорю – моих лет товарищ командующий.

Госпиталь со всеми его причиндалами помещался на двух десятках новеньких полуторок и был экипирован самым лучшим образом. Здесь были и солидные запасы медикаментов, и операционные столы, и просторные палатки со слюдяными окошками, и широкий набор хирургических инструментов, и мощные рефлекторы, и новенькие аккумуляторы, – словом, все, что нужно.

– Как у вас замечательно! Никогда не думала, что наши фронтовые госпитали так оснащены!

Начальник госпиталя побагровел от смущения, польщенно кашлянул, разгладил свои молодецкие усы и скромно сказал:

– Да, маленько пришлось покрутиться. Кого на горло брать, кого лаской, кого как – это когда я его укомплектовывал. Правду сказать, таких госпиталей, как наш, немного, некоторые живут гораздо беднее. Кто сам прошляпил, а кому просто не досталось. Я по всему нашему Донскому фронту всех госпитальных знаю – люди золотые, работают на износ. И у меня хирурги, вы не смотрите, что молодняк, они уже почти опытные, а еще мастерства поднаберутся, они и вашим москвичам нос утрут. Главный хирург у меня вообще в полном порядке, у него и отец хирург, и дед был хирург, родовая косточка – это вам не шутки, он у меня с закрытыми глазами может работать. Я про него нарочно никому ничего не болтаю, но уже по всему фронту прознали – чуть что, звонят, консультируются, а то и выдернуть норовят, но я его не отдам, ни-ни-ни! А медсестрички какие у нас лапоньки, и красотули, и трудяги. А водители – звери ребята! Сами посмотрите всех в деле.

– Какой вы милый! – вдруг сказала Сашенька как-то совсем по-домашнему, не по-армейски.

– Я?! Да чего во мне хорошего, кроме усов?

– К людям хорошо относитесь. Извините, – зарделась Сашенька. – Я не из подхалимажа, а так – само вырвалось!

– Спасибо! Спасибочки! – покраснел до слез начальник госпиталя. – Доброе слово и кошке приятно. – И тут же постарался нахмуриться: – Ладно, поживем – увидим. У нас госпиталь третьей линии, и это хорошо, не потому, что я боюсь фронта, а потому, что мы способны делать мало-мальски серьезные операции, и выживаемость получается выше, живых больше остается, пока до тыла доведут, понимаешь?

– Трудно не понять, – улыбнулась Сашенька.

– Так пойдем, я тебя моим архаровцам представлю честь честью.

Оперирующих хирургов в госпитале было семь человек. Шестеро сразу после инстита, а главный хирург хотя тоже еще молодой, но успевший поработать на гражданке. Как-

никак ему уже было двадцать восемь лет и через денек должно было стукнуть двадцать девять. Когда начальник госпиталя представлял Сашеньку своей команде, хирурги дурашливо выстроились в шеренгу на сухой, пожухлой травке в тени крытой тентом полуторки.

– Я хочу вам представить нашу старшую операционную сестру Александру Александровну Галушко, – значительно сказал главврач и дал Сашеньке знак познакомиться с каждым за руку.

И тут своевольная Сашенька сделала то, чего от нее никто не ожидал: пошла к самому левофланговому, совсем молоденькому, протянула ему руку и сказала по-свойски:

– Саша!

– И я Саша!

Второго звали Илья, третьего – Николай, четвертого – Дмитрий, пятого – Виктор, шестого – Василий, а когда она, наконец, подошла к главному хирургу, тот церемонно отшагнул в сторону, взял ее протянутую руку и, вместо того чтобы пожать, как все, поднес ее к губам, чуть прикоснулся и, лихо щелкнув каблуками начищенных до блеска сапог, представился:

– Домбровский Адам Сигизмундович!

– Домбровский был герой войны двенадцатого года, – усмехнулась Сашенька, глядя прямо в его лицо. – Вам повезло с фамилией.

– Я не из тех. Наши Домбровские по другой линии. Другая генеалогическая ветвь, хотя одного и того же родового древа. Прапредок у нас один, если это вам будет понятно.

– Мне это очень понятно! – дерзко сказала Сашенька. – Нам это преподавали по арифметике в фельдшерской школе.

Наконец она нашла в себе силы отвести взгляд от его лица. Никогда в жизни не видела она ничего подобного. У него была смуглая чистая кожа, высокий лоб под шапкой темно-каштановых кудрей, прямой, чуть с горбинкой нос, красиво очерченные полные губы, зубы ровные, чистые, что называется, один к одному, и необыкновенно белые («Интересно, чем он их так чистит? Наверное, древесным углем, – подумала Сашенька. – Прямо-таки сахарные зубы»), но совершенно необыкновенными были глаза – эмалево-синие, чуть-чуть раскосые, однако эта раскосинка не портила их, а придавала им какой-то дополнительный оттенок необыкновенности, и еще на его лице были усики, в общем, черные, но со светло-русскими подусниками. «Как у Печорина», – подумала Сашенька, она хорошо помнила портрет Печорина. Адам Сигизмундович был ростом чуть выше среднего, но благодаря исключительной пропорциональности телосложения казался высоким.

– Если разрешите, я покажу Александре Александровне окрестности, – обратился главный хирург к главному врачу.

– Показывай, – взял тот под козырек и даже не улыбнулся, чем как бы дал понять, что никто здесь Адаму Сигизмундовичу неровня и это его личное дело – показывать Александре окрестности или не показывать.

Окрестности были бедные – купы чахлах деревьев, несжатые, побитые колесами и гусеницами нивы, заросшие сорняком овраги, в которых и прятались операционные палатки, маскировался госпитальный скarb, палатки с больными, где-то далеко-далеко бухали то ли взрывы, то ли раскаты грома, но какой в сентябре гром?

– Бомбят, – сказал Адам Сигизмундович, – фрицы бомбят наши позиции. Скоро повезут, к утру будет много работы. У нас всегда так: или аврал, или затишье, как сегодня.

– А вы что, правда, из рода Домбровских?

– Правда.

– А почему? Ну то есть как же...

– Наверное, вы хотите сказать, почему я до сих пор жив, здоров и на свободе с такой фамилией?

– Да.

– Вы слышали такое понятие: военспец? Так вот, мой папа – военспец. Другими словами, царский генерал, но очень нужный советской власти. Он хирург, руководил когда-то всей медсанчастью у генерала Брусилова¹². Наверное, вы и не слышали про такого, а он чуть не выиграл первую войну с немцами. Не дали.

– Как это? Кто? Почему?

– Кто? Царь. Другие политики из его окружения. Политики всегда мешают военным в их работе.

– Зачем?

– Ну это трудно сказать: то по глупости, то по дезинформации и наущничеству – по разным причинам. Поэтому великие полководцы, такие, как Александр Македонский, Цезарь, Ганнибал, никому не говорили о своих решениях, а принимали их как бы внезапно. Иногда делали вид, что советуются, а поступали наоборот. Наполеон тоже так делал, пока не попер на Россию, – ошибся. Теперь Гитлер ошибся.

– Так мы победим?! – восторженно спросила Сашенька.

– Безусловно, но какой ценой...

– Вы видите меня в первый раз, а говорите так смело? – удивленно сказала Сашенька. – А вдруг я стукачка?

– А чего мне бояться? Дальше фронта не пошлют, так я уже здесь. Так называемым органам все про меня известно – каждый чих. Когда я буду не нужен, меня ликвидируют, а пока я нужен.

– Вы так говорите о себе, что страшно делается!

– Да, говорю. Просто я устал дрожать за свою шкуру – как будет, так и будет. Я фаталист. Вы читали у Пушкина?

– У Лермонтова, – робко поправила Сашенька. – Это «Герой нашего времени».

¹² Алексей Алексеевич Брусилов родился в 1853 г. в Тифлисе, умер в 1926 г. в Москве. Генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус, офицерскую кавалерийскую школу. С 1871-го по 1926 г. прошел громадный путь воинской службы. Всемирно известен как руководитель и организатор знаменитого Брусиловского прорыва в мае – июле 1916 г. Войскам Юго-Западного фронта под командованием А. А. Брусилова удалось прорвать глубоко эшелонированную оборону австро-германских войск на участке шириной около 600 и глубиной около 150 километров. В наступательных боях российской армией было уничтожено более полутора миллионов солдат и офицеров противника, тогда как русские войска потеряли около полумиллиона человек – соотношение потерь для наступательной операции беспрецедентное. К сожалению, прорыв Брусилова не был поддержан и развит должным образом, хотя враг был настолько деморализован, что находился на грани капитуляции или исключительно выгодного для России мира. Безусловно, решающую роль в столь очевидном упущении сыграли предательство в высших эшелонах власти России и местнические интересы отдельных лиц. С мая по июль 1917 г. Брусилов назначается Верховным Главнокомандующим русской армией, но время уже упущено... С 1920 г. генерал Брусилов служит в Красной Армии, в роли так называемого «военспеца», занимая весьма высокое положение: с 1920 г. в центральном аппарате Наркомвоенмора, в 1923–1924 гг. – инспектор кавалерии Красной Армии, с 1924 г. – инспектор для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР. Мы не знаем, что продиктовало Брусилову выбор последних лет в его блистательной военной карьере. Уверен, что не шкурные интересы и не любовь к большевикам в армии во главе с Троцким, а какие-то другие мотивы, скорее всего, патриотического характера, связанные, может быть, с иллюзией кратковременности советской власти и желанием поучаствовать в сохранении русской армии, а значит, и целостности государства. Думается, что Брусилов попал в ситуацию, сходную с судьбой французского маршала Петена, кстати, в том же 1916 г. удержавшего Верден и спасшего Францию. Да, очевидно, Брусилов стал заложником своего просчета; как и Петен, он уже был немолод... Автор бы не считал нужным делать столь пространную сноску, если бы уже в «Русском военном-историческом словаре» издания 2001 г. служба Брусилова в Красной Армии не была полностью опущена... Увы, последние шесть лет жизни великого военачальника в фундаментальное верное, наша вечная болезнь... А между тем нет сомнений, что Брусилов не нуждается в «выпрямлении» его биографии. К счастью, есть и другие издания. В том же 2001 г. в России вышла книга самого А. А. Брусилова «Мои воспоминания», в которой прямо говорится о его отношении к новой власти и указывается причина, почему с 1917-го по 1920 г. столь активный генерал бездействовал. Оказывается, непосредственно накануне октябрьского переворота в окно квартиры Брусилова влетел артиллерийский снаряд, ему тяжело раздробило ногу, и почти год он был прикован к постели, здоровье его было навсегда подорвано. К слову сказать, несмотря на пышные названия его постов в Красной Армии: Председатель Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами и пр., реальных полномочий он не получил, и его надежды на какое-то конкретное противодействие власти не оправдались. А. А. Брусилов похоронен в 1926 г. на Новодевичьем кладбище.

– Точно! Ха-ха-ха! Дурею я с этой работой. А у вас в фельдшерской школе был хороший литератор! – Он взглянул на нее с неподдельным интересом.

– Да. У нас и хирурги были хорошие, и литераторы...

Они вышли из мелколесья в поле, широкое русское поле. Было тепло, тихо, солнышко отбрасывало из-за ветвей кружевные пятна.

Видимо, пан Домбровский решил взять свое и начал тихим, но очень глубоким, красивым баритоном:

*– Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все – простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.*

*– Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле... —*

– закончила декламацию стихов Сашенька.

– Вот это сестрицу из Москвы прислали! – восхищенно глядя на Сашеньку, сказал Адам, взял ее руку, нежно поцеловал и уже не отпускал из своей руки. – Какая у вас была замечательная фельдшерская школа! Вы, может быть, и «Войну и мир» читали?

– Читала. Правда, войну мы с мамой иногда старались пропускать, а мир читали до буквы.

– И это правильно, – сказал Адам Сигизмундович. – В войне ничего интересного, убийство людей друг другом – это самое тупое, жестокое, самое бессмысленное, что только есть на свете. И кровь течет по нашим рукам, но иногда удается ее остановить, не дать ей всей уйти из человека. Я имею в виду конкретных людей, нашу работу хирургов.

– Да, – сказала Сашенька, почему-то не освобождая свою руку из сухой, горячей ладони Адама Сигизмундовича. – Я не один год проработала в хирургии, но кончится война, если я останусь живой и невредимой, то после института в хирургии работать не буду.

– А где? – живо спросил Адам Сигизмундович, подхватывая Сашеньку за талию, чтобы помочь ей разом, вместе с ним, перепрыгнуть через неглубокую канавку.

– Наверное, я буду детским врачом, – сказала Сашенька и робко попыталась убрать руку Адама Сигизмундовича со своей талии, но тут на их пути возникла еще одна канавка, за ней другая, третья, они ловко перепрыгивали через них, смеялись, и рука Адама Сигизмундовича как бы приросла к ее талии, ничего большего он себе не позволял, но и без того они были уже так близко друг к другу.

– Вы коренная москвичка?

– Почти. Мы с мамой много ездили, а с семи лет я в Москве.

– А я никогда не бывал в Москве. Даже смешно. Собрался двадцать второго июня ехать. Чемодан сложил, билет купил. Решил провести отпуск в столице, там у нас дальние родственники живут, списался я с ними, обещали приютить. У них три дочки на выданье, а я как бы приличный жених – врач. Не получилось. Вместо этого двадцать третьего повестку

в зубы – и в строй. Отец очень смеялся, он мне за несколько дней до этого говорил: «Адась, ну куда ты собрался, не сегодня завтра немцы начнут войну!» Я ему говорю: «Папа, у нас же пакт, о чем ты?» А он смеется, ему хоть и далеко за шестьдесят, но он у меня очень бодрый, главный хирург республики. Мы живем в Дагестане.

– Там, наверное, горы? – сказала Сашенька и сделала еще одну, но совсем уж робкую попытку убрать его руку со своей талии. А когда опять ничего не получилось, она так обрадовалась этому, что лицо ее залилось краской стыда: в сознании промелькнули мама, Раевский, маленький Карен, «затишок», Елоховский собор, где она стала крестной матерью Артема, снова услышала она глуховатый голос грузного батюшки: «Ничего, что армяненок, я и китайчат крестил, война все спишет, а крещеного Бог сохранит лучше». – А вы крещеный? – спросила она спутника.

– Я? А как же? Правда, я не католик, а православный, мама у меня русская, православная, она и настояла на православии. Хотя, думаю, большой разницы нет.

– Наверное, – сказала Сашенька, чувствуя, что все ее тело охватывает какой-то сладкий дурман, что она почти не принадлежит себе.

– Мой отец, Сигизмунд Адамович, – настоящий царский генерал. Я родился в тринадцатом году. Мы живы случайно, вернее, закономерно – мы живы, пока нужны вашей советской власти. Знаете, у моего отца и на работе, и дома стоят два таких маленьких фибровых чемоданчика с полной укладкой – на случай ареста, он у меня как пионер – всегда готов! – И Адам Сигизмундович засмеялся так непринужденно, будто говорил не о страшном, а о веселом.

– Вы не боитесь все это говорить мне? – приостановилась Сашенька и твердой рукой сняла его руку со своей талии.

Боже, какие у него были глаза! Синие, влажно блестящие – бесподобные глаза!

Он погладил ее по щеке, точно так, как погладил когда-то при расставании Раевский, и тихо, ласково произнес:

– Я, Сашенька, ничего не боюсь, кроме потери близких и долгой, мучительной смерти, – это было бы неприятно. А что касается вас, мадемуазель, то интуиция мне почему-то упорно подсказывает, что мы с вами сделаны Господом Богом из одного и того же куска глины. Вы не так просты, как ваша фамилия, можете меня не разубеждать.

Сашенька оцепенела. Первым ее желанием было упасть перед ним на колени и рассказать все, все... Но она пересилила себя, зато вдруг сказала ни с того ни с сего:

– Хотите верьте, хотите нет, но никогда в жизни... – Тут спазмы сжали ей горло, и не в силах продолжать, она упала ему на грудь и дала волю слезам.

Он обнимал ее нежно-нежно и целовал в виски, в макушку, чуть-чуть в шею. А когда она отплакалась, он взял двумя руками ее залитое слезами лицо и бережно притронулся своими губами к ее губам, раз, два, три... Нет, она, оказывается, совсем не умела целоваться, ее нежные губы были как деревянные.

– Я сейчас! – она вырвалась из его объятий, отскочила к маленькой кривой березе. Нашла носовой платок, утерлась, высморкалась, посмотрелась в крохотное ручное зеркальце, которое всегда у нее было в кобуре вместо нагана. И вдруг спросила своего кавалера: – А вы и раньше целовались?

– Конечно! – расхохотался Адам Сигизмундович. – Ну это номер! Я же старый дурак! – Божья коровка села на рукав его гимнастерки, он сдул ее и добавил: – Грешен – целовался и улечу на небко по первому требованию, как эта божья коровка. Помните: «Божья коровка, улети на небко – там твои детки кушают котлетки».

– А я... А я, – сказала Сашенька, – первый раз в жизни поцеловалась!

– Охотно верю. Жизнь развивается не по законам арифметики. Конечно, никто не подумает: красавица, орденоска и ни разу не целовалась. А я верю. Целоваться вы действительно не умеете. Я вас научу, хорошо?

– Хорошо! – сказала Сашенька, ни секунды не задумываясь.

Он смотрел на нее долго, а потом тихо произнес:

– Слава богу, что я тебя встретил, иди ко мне!

И она шагнула ему навстречу, ни о чем не желая думать, ни о чем...

VI

Как опытный мужчина, Адам Сигизмундович понимал, что Сашенька в его власти, но он не хотел ничего торопить. Он чувствовал всей душой, что это не заурядное приключение, что, может быть, именно ее, Сашеньку, ждал он все долгие годы своей пылкой юности и свободной от родительской опеки молодости, не обделенной вниманием девушек и женщин.

Ствол кривой березки, к которой они подошли, был наклонен едва ли не параллельно земле, видно, березку ударили танком или тягачом, она чуть надломилась, покосилась, но удержалась корнями в земле и начала расти не вверх, как все ее соседки, а в сторону. Рана быстро затекла, образовался бугорчатый нарост, и жизнь в березке пошла своим ходом.

– Присядем, – предложил Адам. – Смотри, какое солнышко садится – красное, мирное, садится за холмом, который, может быть, завтра станет высоткой, и полягут при ее штурме десятки, если не сотни, наших и немцев. А на юге всё бухают, работает тяжелая артиллерия фрицев, я их уже давно отличаю от наших – и звук у них чуть другой, а главное – интервалы очень ровненькие: немцы – народ аккуратный, первое дело у них – орднунг, порядок, даже убивать они могут только по порядку. Видно, засеки большое скопление наших ребят. Если так, то скоро будет у нас в госпитале жарко. Хочешь мне ассистировать?

– Хочу.

– Тогда договорились. – Он пожал ее горячую ладошку и нежно поцеловал в щеку. – А ты очень ловкая, так через канавы прыгаешь, что другой парень не сможет, и даже юбка тебе не мешает.

И тут Сашенька не удержалась, похвасталась:

– Все-таки я акробатка!

– Ишь ты! Значит, гибкая, как кошка?

– Еще гибче! – засмеялась Сашенька и в первый раз сама попробовала поцеловать его в губы – сухие, чистые, чуть шершавые. Боже, как сладостно! У нее закружилась голова. Он поцеловал ее, чуть отодвинул от себя и, уловив ее помутневший взор, понимая, что она теряет контроль над собой, вдруг стал рассказывать ей громко, как слабослышащей.

– Знаешь, у нас в горах Дагестана много таких кривых березок, там камни мешают им расти. Они у нас почему-то называются «березы реликтовые», хотя обыкновенные карлики, кривобокие, с такими же бугорчатыми наростами. Ты слышишь меня?

– Теперь уже слышу, – срывающимся голосом негромко сказала Сашенька.

– Ну тогда слушай дальше. – И он стал говорить тише, вполголоса. – Особенно много таких березок я видел под Гунибом, в тех местах, где князь Барятинский пленил Шамиля¹³. Страна у нас такая большая, что мы мало что о ней знаем, а Российская империя была еще больше – на Польшу, на Финляндию, на Бессарабию... А в Дагестан наше семейство попало

¹³ Война на Кавказе шла с 1816 г., с первого Ермоловского похода – молниеносного, очень губительного для горцев и на первый взгляд абсолютно победоносного, полностью, на сто процентов. Но потом вдруг оказалось, что до победы еще очень далеко, началась затяжная партизанская война, появился имам Шамиль, и война закончилась только в 1864 г. присоединением Кавказа к России.

давно, еще мой прадед после восстания 1830 года был сослан под горские пули. После каждого очередного польского восстания шляхту – офицерство – ссылали на Кавказ, искупать грех кровью, а крестьянство – в Красноярский край. Известное тебе село Шушенское – сплошь из поляков... Мой прадед Войцех был отправлен на службу в Темир-Хан-Шуру, сейчас это Буйнакск, там была Ставка. Сейчас все по-другому называется. Например, Махачкала – это бывший Порт-Петровск, и основал город лично Петр Великий во время своего второго персидского похода. Так вот, Войцех родил Адама, Сигизмунда и Тадеуша, естественно, все трое стали военными. Адам и Тадеуш погибли в боях, а Сигизмунд выучился в Московском университете на врача и вернулся в армию, домой, в Дагестан. Он стал полковым врачом, а когда умер, вернее, утонул в Аварском Койсу – это такая горная река, очень бурная, – его разрешившаяся от бремени жена назвала своего первенца опять же Сигизмундом. Так и появился мой отец. Выучился и стал военным врачом. Я тоже учился, в Ростове-на-Дону, и меня распределили домой, в Дагестан, послали хирургом в далекий горный район, хотя там приходилось лечить все. Опыт я получил бесценный.

– Не страшно в горах?

– Да ты что! Там такие чудесные люди, и чем глуше место, тем лучше. Простой народ далек от национализма. Я весь Дагестан и всю горную Чечню объехал на лошадке или обошел пешком, и везде я встречал только добро. Может быть, потому что я врач и нес исцеление, не знаю... Так к чему я все это рассказываю? А вот к чему. Как-то пробирался я на лошадке в горах, где-то в районе большого аула Согратль (кстати, он заслуживает отдельного разговора), плетемся мы кое-как по каменистой горной тропке, в любую секунду можно сорваться и полететь в тартарары, но лошадки там чуткие, им тоже жить хочется, главное – не понукать их без дела, отпусти поводья, доверься – и она сама тебя вывезет. Еду – небо высокое-высокое, горы вокруг, серые осыпи, скалы, кое-где эти самые реликтовые березки, чахлые, кособокие, послеполуденное солнце светит еще ярко, но уже почти не греет, дело было тоже в начале сентября, ночью в горах холод лютой, да еще с ветерком... Воздух!..

– Чист и прозрачен, как поцелуй ребенка! – с робкой улыбкой подсказала Сашенька.

– Именно так: «Чист и прозрачен, как поцелуй ребенка». Великие поэты говорят точно. Так вот, плетется мой конек-горбунок по каменистой тропке, проезжаю мимо развалин русской крепости, со щелями бойниц, с полуобвалившимися смотровыми вышками о четырех углах. На стенах крепости растет орешник, а на северной стене, ближе к России, приютилась все та же карликовая березка. И внутри крепости деревца, бурьян, крапива, все, как обычно. И вдруг конек мой встал как вкопанный, и почти на тропе я увидел надгробие. Одним своим углом массивный плоский камень касался тропы, и я различил, что он рукотворный. Я спешил. Конек мой не нуждался в привязи. Я разгреб кнутовищем бурьян – толстая бурая медянка, пригравшаяся на солнечном пятнышке, вмиг уткнулась с надгробной плиты.

– А что значит «медянка»?

– Змея. Самцы бывают ближе к бурому, с медным отливом, а самки – ближе к серому цвету. Они неядовитые, почти как ужи – это одно семейство.

– А они большие?

– Нет. Та была в длину сантиметров шестьдесят. Я тебе так подробно рассказываю, потому что в детстве увлекался змеями, ящерицами, аллигаторами и старался узнать про них все. Иногда приносил своих змеюк на уроки – такой переполох поднимался в школе!

– Веселенький ты был мальчик!

– Редкий пакостник! Переходный возраст – это со всеми бывает. Не сбивай меня! Так вот, увидел я надгробие – мощное, плоское, все заросшее зеленым мхом и голубоватым лишайником, лишь крест едва проступает, а крест, вижу, выбит католический, без нашей православной косой планки внизу. У меня всегда были при себе старенькая двустволка и кинжал – не от людей, а если ночь в дороге застанет – от шакалов, от волков, да и на рысь можно

наскочить, как дважды два, горы есть горы, а ночь принадлежит хищникам. Стал я счищать кинжалом мох и лишайник, и постепенно вырисовывались надписи. Сначала эпитафия польски: «Здесь, дважды на чужбине, лежит одинокий юноша, никогда не выдавший свою милую Польшу. И никто во веки веков не придет в эти забытые богом теснины, и не поклонится праху его, и не скажет: “Спи спокойно, дорогой Адам!”», а чуть ниже, сбоку, выбито по-русски: «Здесь покоится прах штабс-капитана Эриванского полка Адама Домбровского, павшего смертью храбрых в неравном бою с горцами 9 сентября 1842 года. Покойному было 23 года». Представляешь, сегодня, 9 сентября 1942 года, Господь ниспослал мне тебя. Вот чудо! И как после этого не верить в Бога! Скажу правду, до войны я не верил и хихикал над верующими мамой и папой, а сейчас верю. Мой отец и другие поляки, кто родился в России, осознавали себя поляками. А мама у меня русская – Анна Ивановна, учительница русского языка и литературы, и я ощущаю себя русским. И мамина мама, баба Катя, крестила меня в православной церкви, тайком от отца, потом, конечно, ему признались, он очень сердился, однако простил, он у нас вспыльчивый, но отходчивый.

– А у меня мама – Анна Карповна, – сказала Сашенька.

– Значит, у нас мамы тезки, дай я тебя поцелую! – И он снова прикоснулся губами к ее щеке. – Да, вот какие бывают чудесные совпадения!

Сашенька хотела было сказать, что 9 сентября 1842 года и 9 сентября 1942 года записаны в разных стилях и, стало быть, совпадения фактически нет, но промолчала.

– А ты крещеная? – спросил Адам.

Сашенька молча расстегнула гимнастерку с чистым воротничком, и на обнажившихся ключицах, которые резко отличались от загорелой, обветренной шеи, свободной от ворота гимнастерки, на белой коже сверкнула тонкая серебряная цепочка. Сашенька вытянула скрытую меж сомкнутых лифчиком грудей часть цепочки с крестиком и поцеловала его. Адам тоже поцеловал ее крестик, плоский, легонький, а потом молча расстегнул еще несколько круглых металлических пуговиц на ее гимнастерке и нежно, бережно, но уверенно стал целовать ее никогда не знавшие мужской ласки девичьи груди. Все поплыло у Сашеньки перед глазами, дыхание перехватило, но неожиданно подломила березка, на которой они сидели. Сашенька удержалась на ногах, а Адам упал на бок. Она подала ему руку, помогла подняться.

– Какие сильные у тебя руки!

– Ничего, – приходя в себя, сказала Сашенька. – Я на них с пятого этажа училища на спор с девчатами спускалась. Тебе не больно?

– Не больно, но примета плохая.

– Да брось! – засмеялась Сашенька. – Какой суеверный! До свадьбы заживет!

– До свадьбы? – Адам взглянул на нее как-то растерянно и удивленно, и в его эма-лево-синих глазах вдруг промелькнул огонек озарения, как будто открылась ему некая тайна, пришло в голову то, о чем он раньше никогда не задумывался.

Сашенька почти очнулась, прыгающими пальцами стыдливо застегнула пуговички на гимнастерке.

– Личный состав, на построение! – раздался за полосой мелкоколосья зычный, начальственный баритон.

На построении начальник госпиталя К. К. Грищук сказал, что есть сведения о большом наплыве раненых, так что он велит всем службам «подобрать хвосты», а хирургам и операционным медсестрам в приказном порядке ложиться спать «хоть на три-четыре часика».

– А по парам не разобьете? – подал голос самый молодой из хирургов Саша.

– Я те разобью! Сам разберешься! – перебивая всеобщий хохот, гаркнул начальник госпиталя. – Вопросы есть?

Других вопросов не было.

– Разойдись! – скомандовал Грищук.

Продолжая ерничать и хихикать, народ разбрелся по своим местам. Сашенька потеряла Адама из виду, он куда-то пропал, и сердце екнуло: а вдруг забудет, что она ему ассистирует? Недолго думая, Сашенька направилась к Грищуку.

– Константин Константинович, я пойду отдохну, но хочу сказать, что мы с Адамом Сигизмундовичем... что сегодня я буду ему ассистировать. Вы не против?

– А мне что? – удивился Грищук. – Вы оба в своем деле асы, вам и вытягивать самых тяжелых.

Ей очень хотелось спросить, куда подевался Адам Сигизмундович, но она сдержалась и пошла к своему грузовичку, плотно задраенному тентом. Как старшей операционной сестре госпиталя, ей полагался свой грузовичок, даже с часовым наружного наблюдения, потому что там хранились самые дефицитные медикаменты и часть спирта, хотя был и ее личный уголок, с умывальником и подобием лежанки.

Не раздеваясь, только сняв сапоги, Сашенька свернулась клубочком на своей лежанке в грузовичке, наполненном запахами прорезиненного тента и лекарств, а на дворе догорал чудный осенний день, вкусно пахло палыми листьями, сухим бурьяном, полынью из степи, простирившейся сразу же за редкими деревцами перелеска. Она и сама не заметила, как уснула, и приснилась ей большая медно-блестящая рыба, живая, но лежащая далеко в горах, на серой могильной плите в голубоватых пятнах лишайника. Рыба шевелила хвостом, а потом открыла рот и сказала, что она штабс-капитан и желает ей счастья. И что-то еще сказала, но Сашенька уже не расслышала, в борт крепко постучали:

– Вставайте, товарищ старшая медсестра, прибыла первая партия!

Адам Сигизмундович нашел ее сам, и они оказались в операционной палатке за одним столом, освещенным мощным рефлектором. Быстренько приготвили к операции и дали добро класть на стол первого раненого.

– Четверть первого! – сказал Адам. – Я слышал, сейчас кто-то сказал за палаткой. Ну, с Богом!

Константин Константинович Грищук правильно сделал, что дал людям отдохнуть, все хоть чуть-чуть, да вздремнули и чувствовали себя сейчас свежо и бодро. Адам Сигизмундович оперировал хорошо, очень похоже на Раевского, в том же захватывающем жестком стиле, но, конечно, до Раевского ему было еще далеко. А вот что касается Сашеньки, то он, Адам Сигизмундович, был ею очень доволен, с операционными сестрами такого класса ему еще не приходилось работать. Сашенька предугадывала его намерения или пожелания, всё у нее волшебным образом оказывалось под рукой, на месте. Уже через час работы они достигли абсолютного взаимопонимания и взаимораспознавания малейших жестов.

Оперировали тяжелое ранение в брюшную полость, работа была не из простых.

– Слушай, я поражен! – сказал после операции Адам Сигизмундович. – Никогда не думал, что операционная сестра может играть такую большую роль. Ей-богу! Благодаря тебе мы сэкономили минут двадцать!

– Спасибо на добром слове! – просияла польщенная Сашенька. – Ты будешь замечательным хирургом! – добавила она простодушно.

– Да? – Адам Сигизмундович покраснел. – Я думал, что я уже замечательный.

Сашенька испугалась, хотела сказать что-то в свое оправдание, но он нашел в себе силы улыбнуться.

– А у тебя школа будь здоров, не зря ваш московский госпиталь славится на всю страну. А кем ты была там?

– Старшей операционной сестрой отделения неотложной хирургии.

– Ого! Так ты уже и там не в рядовых ходила? А почему попала на фронт, почему отпустили?

– Я очень просилась. Может, сама не знала, что хотела встретиться... – Сашенька лукаво подмигнула ему и сказала сияющими глазами все, что только можно было сказать. Он понял.

– Спасибо... Ладно, поехали дальше.

– Товарищ Домбровский, вам спиртику плеснуть полстаканка? – спросила, заглянув в палатку, немолодая сестра с белым эмалированным чайником в руках.

– Нет, Клавдия Пантелеевна, я пока бодр. Еще рано.

– И ты пьешь? – удивленно спросила Сашенька.

– Все пьют, но я первые шесть-семь часов держусь, а потом всякое бывает. Иногда ведь приходится оперировать сутками, так что заправляемся.

Сашенька промолчала.

Было утро...

Был день.

Адам Сигизмундович на Сашенькиных глазах дважды «заправлялся». И она видела, что это ему помогает. К утру вторых суток поток раненых схлынул. Адам и Сашенька еле держались на ногах.

– Все, хлопчики! Все, девоньки! Всем отдыхать! – командовал К. К. Гришук.

Сашенька не помнила, как добралась до своего грузовичка. Утро было ясное, солнечное, будто хрустальное, и такая же тишина стояла в мире: нигде не ухало, нигде не ахало, все было так мирно, так светло. Добралась она до своей лежанки и уснула мгновенно, только вздрагивала во сне, хотя ничего ей не снилось. А залезая в грузовичок, она попросила Господа, чтобы ей доснилась та самая живая рыба-штабс-капитан и предсказала будущее. Но ничего ей не приснилось.

VII

Озерцо в песчаном карьере рядом с лагерем было неглубокое, вода в нем стояла прозрачная и настолько теплая, что даже сейчас, в сентябре, вились над ее зеркально сияющей на солнце гладью мушки. Шли первые дни бабьего лета, нежное тепло послеполуденного солнца прогрело воздух настолько, что захотелось искупаться, для этого и пришли сюда Адам с Сашенькой.

– Я тебя стесняюсь, – сказала Сашенька, – давай сначала искупаюсь я, а ты посторожи в лесу на дорожке. А потом я посторожу.

На том и порешили.

Воды в озерце было чуть выше пояса, но Сашенька умудрилась даже поплавать, крупитчатый песок на дне приятно щекотал ступни ног, сердце замирало от радости, и хотелось крикнуть что-то ликующее, что-то громкое-громкое, чтобы услышали далеко-далеко, чтобы мама в своей дворницкой тоже услышала и поняла, как сладостно ее дочке, как она, мама, оказывается, была права, когда говорила, что на фронте ей кто-нибудь встретится... Боже мой, откуда мама все знает? Все предугадывает... Сашенька присела так, что вода дошла ей до подбородка, и прошептала над зеркальной гладью:

– Мамочка, его зовут Адам, как первого человека! Ты слышишь меня, мамочка?

Где-то в степи глухо рвануло раз, другой.

Сашенька растерлась на бережку, быстро оделась в чистое, которое она только что надела в своем грузовичке, натянула юбку, гимнастерку, обула сапоги и вышла на дорожку к лесу. В степи опять рвануло.

– Не дают им наши ястребки долетать до города, вот они и сбрасывают бомбы куда придется, – сказал поджидавший ее на дорожке Адам. – Ну, теперь моя очередь? Я моментально.

Он разделся и с разбегу плюхнулся в озерцо, брызги полетели в разные стороны веселым солнечным фейерверком. Адам фыркал, рычал, радостно вскрикивал, то есть не сдерживал себя в отличие от Сашеньки. Ему действительно хватило десяти минут на все купание.

Когда они возвращались в расположение части, на лесной дорожке им преградил путь сам К. К. Грищук, а за ним и все шестеро хирургов, тащивших какие-то узлы в плащ-палатках и простынях.

– Через левое плечо, кру-гом! – скомандовал Адаму и Сашеньке Грищук. – На празднование дня рождения шагом марш!

Такой вот сюрприз приготовил им начальник госпиталя, не забыл, что Адаму Сигизмундовичу исполнилось сегодня двадцать девять лет.

Молодые хирурги ловко разбили на берегу озерца пятачок для пикника, узлы в плащ-палатках и простынях превратились в скатерть-самобранку, уставленную выпивкой и закуской.

– А для вас, барышня, – обратился к Сашеньке Грищук, – мы спиртик специально разбавили сиропом вишневого варенья и охладили. Так что пейте, не сомневайтесь!

– Я не пью.

– Все не пьют. А по граммулечке можно. Дело, Богу угодное. Родная мать, и та вас за это не осудит.

– Я не пью! – продолжала упорствовать Сашенька. – Я ни разу в жизни не пила. Я...

– Да ты и не пей, деточка, – наливая Сашеньке четверть граненого стакана подкрашенного вишневым сиропом медицинского спирта, увещевал ее, как маленькую, К. К. Грищук. – Пригубь, а там оно само пойдет... Итак, товарищи, – приосанившись и переходя на серьезный тон, продолжал Константин Константинович, – сегодня нашему главному хирургу, нашему уважаемому Адаму Сигис... Сигизмундовичу, исполнилось двадцать девять лет, еще годок – и стукнет тридцать, а там уж, как говорится, поедет он с ярмарки. А пока молодой, давайте за него выпьем!

Все сдвинули стаканы со спиртом, все были молодые, лихие, пили неразведенный, все были согласны с Грищуком, что после тридцати начинается старость. Сашенька не хотела, а взяла в руку свой стакан, под призывными взглядами всех поднесла его к общему кругу, стала чокаться со всеми подряд, и стакан плясал в ее дрожащей руке.

– Прошу, выпей за меня, – чуть слышно сказал Адам, но это прозвучало для нее как приказ, которого нельзя слушаться, и вдруг чертики кувыркнулись в ее карих сияющих глазах, она звучно ударила своим стаканом о стакан Адама и, зажмурившись, выпила до дна все содержимое, как яд, с отвагой человека, готового распрощаться с жизнью. Вишневого сиропа была в том спирте едва ли десятая доля, так что Сашенька задохнулась и искры полетели у нее перед глазами.

– Воды! Воды! – закричал Адам.

Она запила водой, удушье чуть отступило, но горло казалось ободранным и больно саднило, как при ангине.

– С боевым крещением, солнышко! – ободряюще улыбнулся ей Грищук, его луженую глотку спирт не брал.

«Боже мой, я же клялась маме не пить! Я же клялась...» – пыталась казнить себя Сашенька, но с каждой минутой ей становилось все лучше, все веселее, и скоро она хохотала вместе со всеми и страшно обрадовалась, когда Грищук вдруг запел хриловатым баритоном, и все ребята, включая Адама, дружно подхватили:

В маленькой светелке

Огонек горит.

Молодая пряжа

*У окна сидит.
Молода, красива,
Карие глаза,
По плечам развита
Русая коса.*

Мужчины пели и смотрели на Сашеньку с обожанием и хмельной нежностью, которую еще называют телячьей. Саша молчала, все подумали, что она, наверное, безголосая. Потом они пели «Распрягайте, хлопцы, коней», потом «Хасбулат удалой, бедна сакля твоя», а Сашенька все молчала, щеки ее горели румянцем, и деревья, и лица, и небо плыли перед глазами. Так смешно, так радостно!

– Саша, давай, не стесняйся, давай, как можешь, мы все здесь не Шаляпины, подхватывай! – настойчиво попросил ее Константин Константинович.

– Я в хоре не могу, – вдруг сказала Саша. – Можно соло?

Все хоть и были уже под хмельком, но вмиг смолкли от неожиданности ее предложения.

– Да-давай, – почти шепотом сказал Константин Константинович, – конечно...

Адам смотрел на нее, что называется, во все глаза, во все свои эмалево-синие, необыкновенные, с легкой раскосинкой.

Сашенька встала, одернула гимнастерку, сложила на груди руки, взяла паузу и запела:

*Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.
Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.
Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный, и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит!*

Когда Саша закончила романс, никто не решился аплодировать, все были потрясены, а Константин Константинович даже заплакал, и эти его пьяные слезы сказали больше любых слов. Адам понял, что Сашенька пела для него, и произнес в полной тишине:

– Вот это подарок так подарок! Спасибо, от всей души!

Потом еще пили и пели до первых звезд. Теперь уже заводила песни Сашенька, а мужчины только подпевали. Сашенька еще выпила спирта с вишневым сиропом, но уже менее крепкого; ее пожалели, развели не так, как в первый раз, но все равно ей хватило, и она поплыла и уже ничего не помнила, кроме каких-то радужных пятен и хохота, ей от всего теперь было смешно, и она хохотала так, что охрипла...

Очнулась она под утро. Ей было жарко. Они лежали с Адамом обнаженные на ее узком топчанчике в грузовичке. Увидев, что она проснулась, Адам натянул на обоих простыню и обнял ее. Она уткнулась носом в его грудь и тихо-тихо заплакала, то ли от обиды, то ли от счастья, она и сама не осознавала от чего. Слезы принесли облегчение. Она окончательно пришла в себя, собралась с мыслями и сказала, как бы ни к кому не обращаясь:

– Вот я и фронтовая жена, а не белая ворона.

– Ну, это мы еще посмотрим, – буркнул Адам и крепко обнял ее, и они снова уснули, теперь уже до общей утренней побудки.

VIII

В своем новом положении Сашенька испытывала двойственные чувства: она была так остро счастлива с Адамом, как никогда в жизни, и в то же время ее тяготило, что она действительно стала «фронтной женой», что преступила клятву, данную матери, и теперь в ее дальнейшей жизни как бы ничто подобное не исключалось, ибо единожды солгав... Хорошо, что было много работы, и это заглушывало остроту и двусмысленность ее положения. Адам теперь ночевал у нее в грузовичке каждую ночь, и, даже засыпая, они крепко держали друг друга за руки.

– Ты чего держишь меня за руку? – как-то спросил он со смешком в голосе.

– Боюсь – вдруг исчезнешь! А ты чего? – в свою очередь насмешливо спросила Сашенька.

– Тоже боюсь, – как-то очень печально отвечал Адам. – Я все время за тебя боюсь – каждую минуту.

– А я за тебя, – сказала Сашенька. – Как-то мне не верится...

– Во что не верится?..

– Не знаю... – И она тихо заплакала, по обыкновению уткнувшись носом ему в грудь. – Сама не знаю. Может, я недостойна такого счастья?

– Ты недостойна? А кто же тогда достоин? Это скорее я...

– Никогда в жизни я так часто не плакала, а сейчас чуть что – глаза на мокром месте, – всхлипнула Сашенька. – Может, я сумасшедшая?

– Это нормально, не забивай себе голову. Это абсолютно нормально. Мне и то иногда хочется зареветь вместе с тобой – душа на разрыв! Почему – сам не знаю... Что-то томит меня, что-то жжет! Ладно, давай не будем...

– А ты стал лучше оперировать, – не к месту сказала Сашенька.

– Да, я знаю. Все только из-за тебя. Ты меня как бы приподнимаешь...

А на другой день после этого разговора опять навалилась такая тяжелая работа, что часов через сорок наступило то самое знаменитое запредельное торможение нервной системы, о котором Сашенька узнала еще в московском госпитале и которое ее новым коллегам пока еще не было знакомо. Познакомились...

Потом Адам с Сашенькой отсыпались часов восемнадцать, но все равно держали друг друга за руки – механизм уже выработался и почему-то не ослабевал, а только усиливался с каждым днем.

Прошел месяц после дня рождения Адама. Сашенька поняла, что она понесла. Профессия Адама Сигизмундовича также не позволяла ему оставаться в неведении. Скоро они объяснились.

– Что будет? – спросила Сашенька.

– Я очень рад... Все будет как у людей, поедешь рожать к своей матери. Все будет хорошо... Подожди-ка меня чуть-чуть. – И с этими словами он скорым шагом направился к палатке, в которой располагался начальник госпиталя.

Хотя стоял октябрь, но еще светило в чистом небе солнышко, последние погожие деньки теплой осени еще радовали, еще баловали фронтной и прифронтной народец. Ходили слухи, что не сегодня завтра их госпиталь переведут во вторую линию фронта, поближе к передовой. По всему было видно, что битва за далекий отсюда приволжский город медленно, но верно входит в свой зенит, что немцам и на этом степном куске русской земли не удался их хваленый блиц-криг, что впереди еще большая бойня.

За месяц совместной жизни Сашенька так привязалась к Адаму, что временами ей казалось, будто он был у нее всегда. Она сразу стала смотреть за ним как настоящая жена за настоящим мужем. Она видела, что многие девчонки завидуют ей, но это ее никак не трогало. Теперь в ее грузовичке был для нее настоящий дом.

Шофер этой полуторки, маленький, рыженький, конопатый Коля из Астрахани, старался ей во всем угодить и звал ее не иначе, как «товарищ старшая медсестра». Для него и Сашенька, и Адам Сигизмундович были большое начальство, и он их чтил искренне.

– У меня у самого мамка медсестричка, так я вашу работу знаю, – говорил Коля, которому было свойственно в разговоре перескакивать с пятого на десятое. Он и перескакивал. – А немцу сроду Сталинград не взять. Он же такой длинный, и весь вдоль Волги, ой-ё-ёй! Километров пятьдесят будет в длину, не меньше, куда им такой кусок схватить, подавятся! Там завод на заводе, и каждый – крепость. Один тракторный чего стоит! Подавятся!¹⁴

Сейчас, когда возле штабной палатки Адам Сигизмундович о чем-то разговаривал с Константином Константиновичем, маленький Коля открыл капот своей славной новенькой полуторки и что-то придирчиво осматривал в моторе.

Сашеньке было не слышно, о чем говорят Адам и К. К. (как звали за глаза начальника госпиталя), а говорили они следующее:

– Константин Константинович, у тебя есть какой-нибудь бланк, какая-нибудь печать?

– А как же? Имеется. Зачем?

– Понимаешь, ты должен зарегистрировать наш брак с Сашей и дать нам бумажку. Можешь?

– Да хоть две бумажки! – Вдруг К. К. насупился и почесал лысину, что всегда служило признаком появления в его голове каких-то неожиданных соображений. – Слушай, Адам Семенович (К. К. не выговаривал «Сигизмундович» и наедине называл своего главного хирурга Семеновичем, на что тот не обижался), слушай, чего я соображаю: до райцентра отсюда всего четыре километра, и немец его еще не зацепил. А вдруг там и сейчас есть настоящий загс? Время всего час дня, давай мотнемся, вдруг словим кого-нибудь? В момент я велю из кухни десяток банок тушенки накатать да еще спиртику пару литров, и вас не только распишут, но и расцелуют со всей любовью. Боже ты мой, да мы дворец бракосочетаний с таким припасом возьмем, а не то что районный загс! А вон и Сашенькин шофер возле машины топчется, айда!

Снарядились в дорогу. К. К. вместе с припасами сел в кабину к Коле, а Сашенька и Адам залезли в обжитой ими кузов.

– Какие мы с тобой сумасшедшие! – обнимая Адама, то ли проговорила, то ли просто-нала Сашенька.

– Я всю жизнь мечтал стать таким сумасшедшим!

– И я! Всю жизнь!

Через двадцать минут благородный К. К. Грищук приостановил машину, вышел из кабинки и робко постучался в борт.

– Можно! – крикнул Адам.

К. К. откинул брезентовый полог:

– Ребята, выходи строиться. Загс на месте. Сейчас начнем искать нужного человека.

Удивительно, но нужный человек тоже был при исполнении своих служебных обязанностей. Им оказалась женщина лет сорока пяти, дородная, яркая, с черной косой, уложенной короной вокруг головы, чернобровая, кареглазая, белолицая. Когда они зашли, женщина уже

¹⁴ Самое удивительное было в том, что немцы действительно не имели ясного представления о городе. Так плохо работала их разведка, так они были самоуверенны и высокомерны. Когда они увидели с ближних высот подлинные масштабы застройки города, то были крайне озадачены.

сидела за большим письменным, в меру обшарпанным столом, и во всей ее позе было сдержанное, официальное внимание, она не поднялась.

– Привет, землячка! – сразу распознав в ней украинку, сказал Грищук. – Как насчет свадьбы?

– У меня мужик такой же, как ты, дурный та лысый, для че мне другой? – неправильно поняла его хозяйка загса.

– На каком фронте? – спросил необидчивый Грищук.

– На Волховском.

– Это под Ленинградом. Тяжелый фронт, я знаю, у меня там братик погиб, младшой.

И тут Сашенька заговорила с ней на чистой украинской мове. Грищук, Адам и Коля аж рты пораскрывали. Никогда прежде никто из них не слышал от Сашеньки ни одного украинского слова, а тут она затарахтела, как из пулемета. Сашенька рассказала, что они встречаются с Адамом всю войну, что работают в одном госпитале и надо бы расписаться – мамка не поймет, если что...

– А как вас кличут?

– Хлахфира я, Хлаша, а кому-то и Глафира Петровна, – добавила она по-русски, с вызовом взглянув на Константина Константиновича Грищука. – Что ж, фактически все у меня закрыто, но дело нешуточное. Эй, Ванек! – кликнула она в смежную комнату.

Ковыряя в носу, оттуда вышел замурыженный мальчишка лет десяти и, что удивительно, натуральный альбинос – волосы белые, брови белые, глаза и то белесые, так, с легкой голубизной.

– Слётай в хату, там в хорошем шкафчике у меня коробочка с печатью. Мигом!

– Сынок? – спросил любопытный Грищук.

– Да ну! – зарделась Глафира Петровна. – Внучонок. Доченька в подоле принесла такое вот чудо!

– А сама она где?

– Где-где? На окопах. У нас все на окопах.

Грищук шепнул Коле, чтоб он тащил дары. Коля приволок тяжеленную прорезиненную сумку с веревочными ручками. Грищук стал вываливать на край стола жирные от солидола металлические банки с тушенкой, поставил бутылку спирта.

– А вот это добро уברי! – сурово скомандовала Глафира Петровна. – Это лишнее. Я ничего не возьму, не надейся!

– Как же так? – оторопел Грищук. – Вон у тебя и пацан!

– Пацан пацаном, а взятку я не беру. Тем более не за что – дело святое. Каждый день под смертью ходим.

Мальчишка вернулся с красной коробочкой, в которой была печать. Глафира Петровна тем временем вытащила из ящика письменного стола толстую потрепанную книгу записей актов гражданского состояния, записала там все как следует красивым круглым почерком, с именами, отчествами и фамилиями жениха и невесты, свидетелей с номерами армейских книжек и только после этого, торжественно приосанившись, спросила:

– Невеста, берете ли вы фамилию мужа – Домбровская?

– Да, – едва пролепетала Сашенька.

– Жених, остаетесь ли вы при своей фамилии – Домбровский или берете фамилию жены?

– При своей! – засмеялся Адам.

– Ладно, так и запишем. – Глафира Петровна заполнила розоватый бланк свидетельства о регистрации, расписалась,дохнула на печать, шлепнула ее со смаком и звонко, молодо рассмеялась: – Эхма, давно никого не расписывала, аж на душе радостно! Так, теперь распишитесь вот тут у меня в книжке, где галочки, жених и невеста. Сначала невеста, – оста-

новила она на лету руку Адама. В первый раз в жизни Сашенька расписалась хоть и новой, но теперь ее законной фамилией. – Так, теперь жених! Теперь свидетели!

Гришук выступил свидетелем со стороны невесты, а маленький Коля со стороны жениха. С тех пор в дальнейшей Сашенькиной жизни эти двое так и звались – «свидетели». Они сопутствовали ей долгие годы, так уж сложилось – в жизни всегда есть события, едва ли не навеки соединяющие полужнакомых людей.

– Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики объявляю вас мужем и женой!

Где-то совсем недалеко, наверное, километрах в двух, ухнула тяжелая бомба.

– А это – когда ему наши до Сталинграда не дают пробиться, тогда он их на обратном пути сбрасывает где попало, особенно тяжелые бомбы, боится, что перегруженный, до своих не дотянет, или для отчетности. Кто же его знает! – пояснил Гришук. – Осколочная, я их от фугасок отличаю...

– Гады, – сказала Глафира Петровна как-то буднично, даже без зла в голосе. – Гады проклятые... Эй, усатенький, ты заberi, заberi свои подаруночки, а то я их тебе сейчас в шею запущу!

– Напрасно! Напрасно вы так, Глафира Петровна, – обиженно сказал Константин Константинович, понимая, что с этой женщиной шутки плохи. – Ладно, собирай все, Коля, назад, в сумку.

– Навеки вам благодарны! – крепко держа в руках свидетельство, сказала Сашенька, положила его в планшетку и, перегнувшись через стол, расцеловала Глафиру Петровну в обе щеки. – Никогда вас не забуду! Дай Бог вам здоровья, счастья! Дай Бог удачи! Спасибо!

Мужчины пошли к дверям.

– Ванек, а ты на машине не хочешь прокатиться? – вдруг, остановясь на пороге и почесывая лысину, спросил Гришук.

Мальчик умоляюще посмотрел на продолжавшую сидеть за письменным столом свою молодую, красивую бабушку.

– Ну, иди, прокатись метров триста. И сейчас же сюда! – разрешила она.

Мальчишка был счастлив, а Константин Константинович, оказывается, взял его для того, чтобы, прокатив в кабине отпущенные бабушкой триста метров, всучить ему тяжелую сумку с тушенкой и отдельно бутылку со спиртом.

– Дотащишь?

– Не-а! – Мальчишка попробовал приподнять сумку.

– А ты вот что, – посоветовал Гришук, – ты часть заховай вот за кусточком, – указал он на пыльный придорожный куст с полуоблетевшими листьями, – заховай за кусточком, вон в ямочке, жухлой травой притруси, замаскируй, а то тащи. Понял? – Гришук помог поставить тяжеленную сумку в приямок за кустом бузины. – Понял?

– Ага, – согласился Ванек. – Дядь, а можно я хоть одну банку дам Ксеньке?

– А кто такая Ксенька? – спросил Гришук.

– Ну девчонка, – покраснел Ванек, – через два дома в соседках у меня. А то они с бабкой голодные, как хуже собаки. И Ксенька кашляет всегда. А тушенка, может, ее вылечит.

– Понял, – сказал Гришук. – Если от души, то обязательно вылечит. Дай Ксеньке две, а хочешь, три банки.

– Ой, спасибочки вам, дядечка!

– Все на окопах, а чего твоя бабуля не на окопах? – спросил Гришук с живым интересом к красавице Глафире Петровне.

– Тю! – удивился белобрысый Ванек. – А как же она туда дойдет, она ж безногая.

– Как?! – побледнел Гришук, и краска стыда залила его большое лицо с толстыми черными усами.

– Обнаковенно. Еще зимой, когда всех на окопы гоняли. У-у, далёко, аж не знаю куда! Там ей и оторвало бомбой одну ногу до колена, а правую перебило, она хоть и есть, та нога, но не ходит. Бабуля у меня на костылях. А незнакомых она стесняется, костыли сразу на пол кладет, за стул, и сидит за столом, а их не видно.

Грищук не нашелся что сказать, легонько, ласково подтолкнул мальчика в спину: дескать, иди, милый... Залез в кабинку, и Коля тронул машину в обратный путь.

– Разобрались? – спросил Коля.

Грищук только кивнул, говорить ему не хотелось. Так и проехали они всю дорогу до госпиталя молча.

Сашенька и Адам в кузове не слышали разговора мальчика и Грищука. Им было не до разговоров. Они сидели на своем топчанчике, тесно прижавшись друг к другу, и молчали, не в силах высказать словами все те бурные чувства, что переполняли их сердца.

Когда приехали на место, Грищук робко постучал в борт.

– Открывай! – крикнул Адам.

Константин Константинович приоткинул брезент.

Никогда в жизни, ни раньше, ни позже, не видела Сашенька, чтобы человек так радовался чужому счастью. Грищук сиял от восторга.

– Прокрутили мы дельце, эх! Поздравляю!

Адам и Сашенька молча кивнули ему, продолжая сидеть, прижавшись друг к дружке. Грищук посмотрел на них внимательно и понял: третий лишний.

– Так, ребятки, – сказал он глухо, – машину задраивайте, но к вам и так никто не сунется. Я специальный пост выставлю! – С тем он опустил брезент, и они остались одни.

– Здравствуй, моя жена! – чуть слышно сказал Адам.

– Здравствуй, мой муж! – как эхо, отозвалась Сашенька.

Часть вторая

*Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?*

Ф. И. Тютчев

IX

Утром следующего дня в борт крытого зеленоватым тентом грузовичка робко постучал шофер Коля.

- Товарищ начальник госпиталя вызывают вас в штабную палатку!
- Хорошо, – откликнулся Адам, – скажи, будем!
- Чего это он? – удивилась Сашенька.
- Посмотрим.

Нежно светило осеннее солнышко, мокрые от росы ветви деревьев в перелеске казались черными и блестели на фоне голубого неба, широкие дымно-розовые полосы света зыбко дрожали и искрились между стволами, теряясь в густых зарослях шиповника, где облетевшие листья открыли взору ягоды, вспыхивающие роем ярко-красных точек. Было свежо и тихо. В ближнем овражке в замаскированной бурьяном палатке отчаянно, ожесточенно выругался раненый.

– Этот выживет! – улыбнулся Адам. – Раз матюкается, значит, выживет – верный признак.

- Дай ему Бог! – пожелала Сашенька, и они пошли к штабной палатке.

Константин Константинович Грищук сидел за складным походным столиком на складном стуле и был очень важен. При виде вошедших он насупился, встал, взял что-то со стола и, шагнув к Сашеньке, торжественно провозгласил:

– Дорогая Александра, позволь вручить тебе новое удостоверение на имя Домбровской Александры Александровны. Фотку я взял из твоего личного дела... Так, а старое удостоверение на имя товарищ Галушко прошу вернуть. – С тем он вручил Сашеньке новую книжечку, обняв ее легонько и пощекотав усами ее нежную щеку. – А теперь, дорогие мои, примите от меня свадебные подарки. – И он дал каждому по роскошной кожаной полевой сумке.

- И где же вы такие взяли? – обрадовался Адам. – Прямо генеральские!

– Натуральные генеральские! – засмеялся Грищук. – По большому благу достал. Обрати внимание – трофейные.

– Хорошо делают немцы, – сказал Адам, осматривая подаренную ему сумку из светло-коричневой телячьей кожи. – И пахнет вкусно.

– Они и воюют неплохо, – буркнул Грищук вполголоса, как бы сам с собой, – зря, дураки, на нас поперли. Мы их ломаем!

- Моя мама точно так же говорит, – подхватила Сашенька. – Спасибо вам за всё!

– Это еще не всё. Я ведь старый фотограф, с двенадцати лет фотоделом занимаюсь. Жаль, ума не хватило в загсе вас пощелкать. Да кто ж знал, что мы все так обтяпаем, а?!

- А проявитель-закрепитель? – недоверчиво спросил Адам.

– Милый мой, в моем грузовичке целая фотолаборатория. Всё там оборудовано будь здоров! Я даже печатаю сам – и увеличитель у меня, и кюветки, и все такое прочее. А движки у нас, слава богу, мощные, так что все будет в ажуре! Я сейчас нащелкаю целую пленку, а

через несколько часиков фотографии выдам. Секрет в том, что сегодня мы начинаем сворачиваться. Как стемнеет, вывозим всех оставшихся раненых дальше в тыл, а завтра к вечеру и сами сматываемся отсюда.

– Куда? – поинтересовался Адам.

– Ага! – засмеялся Грищук. – Так я тебе и скажу, куда! В указанный в приказе пункт назначения – вот куда. К немцу поближе.

– А сумки ваши он у нас не отберет? – подмигнув Грищуку, спросил Адам.

– Пусть только попробует! – воинственно сказала Сашенька.

– Правильно, – поддержал ее Грищук, – молодец! Ребятки, я пойду заряджу пленку – и к вашим услугам!

– Надо хоть намарафетиться! – испуганно воскликнула Сашенька.

– И мне не мешает побриться, – добавил Адам.

– Тогда полчаса вам – почистить перышки. Сегодня у нас затишье. Вам, как молодоженам, полагается три дня отпуска. Три не три, а весь сегодняшний денек ваш – гуляйте в свое удовольствие! – напутствовал их Грищук и пошел к своему грузовичку.

У Грищука была настоящая «Лейка»¹⁵ и все ухватки маститого фотографа. Грищук был мастер, это чувствовалось и по той внимательности, с которой он подбирал фон, и по тому, что он снимал неожиданно, без подготовки, и по тому, как он руководил своими фотомоделями – мягко, почти вкрадчиво и ни разу не сказал про птичку, которая сейчас вылетит из объектива.

– Главное, не вылупляйте глаза, – советовал Грищук, – ведите себя спокойно, забудьте обо мне. Не надо позировать, не надо напрягаться.

Он снял их и порознь, и в обнимку; и попросил солдатика щелкнуть их вчетвером: по краям свидетели – шофер Коля и сам Грищук, а посередине Адам с Сашенькой. Сфотографировал их и у грузовичка, и у поломанной березки, и у озера в песчаном карьере, и рядом со штабной палаткой, и в чистом поле за перелеском. Эта последняя фотография получилась прямо-таки выставочной – бескрайнее поле, заросшее увядшими сорняками, высокое небо и две маленькие фигурки, держащие друг друга за руки. Если присмотреться, то ясно, что это мужчина и женщина в военной форме, а на первый взгляд – маленькие мальчик и девочка, одни в целом мире.

– Эх, маме бы отправить, да как? – вздохнула Сашенька, когда Константин Константинович закончил свой сеанс.

– Маме? – Грищук насупился, почесал лысину. – А чё, можно и маме. – Он расплылся в улыбке. – Спасибо, что напомнила. У меня завтра в Москву со штаба фронта один знакомый снабженец летит, он частенько туда летает. Так ты, Сашуля, бежи сейчас до себя в грузовичок, черкни маме письмецо. А к вечеру фотки будут готовы, и одним конвертом я все отправлю ему с машиной, тот же Коля слетает. Человек надежный. А главная его надежность в том, что как раз в твоём знаменитом госпитале долечивается после ранения его большой начальник. Он меня как раз спрашивал про тебя: Саша, мол, как там и что, кому привет передать? А тут он явится не с пустыми руками, а с такой радостью. Это ж для него будет хорошо?

– Конечно, – сказала Сашенька, – и меня, и мою маму в госпитале все знают. А я письмо напишу на имя моей подруги медсестры Нади, она ему там везде зеленый свет организует. Не сомневайтесь, она такая шустря!

– Ну вот и славненько, – потер толстые ладони Грищук, он обожал всякого рода импровизации. – Иди, солнышко, катай письмецо!

¹⁵ «Лейка» – немецкий узкоплёночный фотоаппарат. Сокращение от Letiz-Camera, по названию фирмы Leitz. В СССР накануне войны было довольно много таких аппаратов – простых, надежных в работе. Большинство наших военных журналистов снимало именно этими камерами. «С “Лейкой” и блокнотом, а то и с пулеметом Мы первые врвались в города.» К. Симонов

– А в Махачкалу ваш снабженец не летает? – с усмешкой спросил Адам.

– Да нет, пока ж туда столицу не перенесли, – парировал Грищук. – Когда перенесут, может, и полетит. Ладно, пошел я проявлять что тут наворотил.

– Может, помочь? – спросил Адам, который не хотел идти вслед за Сашенькой, боясь помешать ей сосредоточиться над письмом, но в то же время не хотелось торчать тут одному, а идти к ребятам-хирургам что-то не лежала душа. Так он и остался стоять у штабной палатки. Стоял, осматривался и отмечал про себя, что многое видит впервые, хотя протоптался на этом клочке земли почти четыре месяца безвылазно. Ему вдруг захотелось обойти все расположение госпиталя, все осмотреть, все впитать, все запомнить. И он пошел от палатки к палатке, от одного замаскированного грузовика к другому; постоял у полевых кухонь, в которых варился обед, – пахло гречневой кашей и кислыми щами с говяжьей тушенкой. Все с ним здоровались очень почтительно и козыряли четко, как действительному начальнику. Адам с удовольствием отметил, что, наверное, его здесь, в госпитале, уважают, видно, есть за что, ведь слух о его золотых руках и глазе-алмазе давно уже пробивает себе дорогу, считай, по всему их фронту. При виде его хорошенькие медсестрички краснели и потупляли глаза, и Адам решил попросить Грищука, чтоб тот объявил сегодня на вечерней поверке, что они с Сашенькой теперь муж и жена, чтоб внести ясность раз и навсегда.

У одного из грузовиков его встретила сестра-хозяйка Клавдия Пантелеевна, та самая, что предлагала «плеснуть спиртику» из белого эмалированного чайника. Ей было чуть за сорок, но при своей полноте она казалась постарше.

– Ну что, товарищ главный хирург, прощальный обход? – сказала она с полупоклоном. – Вот мы и отработали здесь, завтра уже начнем крутиться на новом месте.

Адам кивнул ей в ответ, натянуто улыбнулся и, не заговаривая, прошел мимо, и не потому, что она чем-то ему не нравилась, она как раз была замечательная сестра-хозяйка, и он относился к ней с искренней симпатией, просто говорить сейчас не хотелось. Так, по кругу, обошел он и перелесок. Постоял у кривой березки, погладил ее ствол на сломе, подумал: «Даст бог, заживет!» Подошел к озерцу в песчаном карьере: нет, сегодня мушки уже не вились над водой, дело идет к холодам. Вот-вот пойдут обложные дожди, грязь, слякоть, холод. Адаму стало не по себе, как сказала бы его бабушка по матери – «сумно»; словно тень на солнце, легло на душу что-то темное, но длилось это недолго, и, поспешно выйдя из перелеска, он тут же забыл о мимолетном чувстве, прогнал его от себя...

Сашенька несколько раз начинала письмо маме и рвала листки – все получалось не то и не так, и все слова казались ей какими-то куцыми, совершенно не отражающими ни существо происшедших в ее жизни событий, ни накал ее чувств. Наконец, она остановилась на предельно коротком варианте:

«Дорогая мамочка, я вышла замуж. По-настоящему, с регистрацией в загсе, и теперь моя фамилия – Домбровская. Мужа зовут Адам Сигизмундович, ему 29 лет, он с Кавказа, из обрусевших поляков. Он главный хирург госпиталя. Я люблю его. Ты все предугадала, все предвидела, любимая мамочка! Посылаю несколько наших фотографий, снятых на другой день после регистрации, если дойдут – ты увидишь его сама. Привет Матильде Ивановне, Наде, Карену, всем нашим госпитальным!

Вечно твоя Саша».

Накануне отъезда Сашеньки на фронт у них с мамой была договоренность, что, поскольку та как бы безграмотная, все письма будут идти на имя Нади. А от имени Анны Карповны будет отвечать та же Надя, которая понимала по-украински. Одним словом, все оставалось в силе, вся их главная тайна. А в письмах можно что-то и между строк услышать, а так – какие у них могут быть секреты?

Х

Гришук затворился в своем крытом грузовичке делать фотографии, госпитальный народ потихоньку готовился к эвакуации раненых и завтрашнему отъезду, а Сашенька и Адам пошли гулять в чистое поле.

День стоял чудный, было тепло и тихо, солнечный свет мягко обнимал все поле от горизонта до горизонта, даже здесь, на просторе, не гулял ветерок. Внизу, у земли, еще зеленела травка, а повыше стояли совсем пожухшие, опаленные недавним летним зноем серо-коричневые кустики полыни, сухой репей, череда с шариками семян, которые моментально лопались при малейшем прикосновении, рассыпались на острые дольки и цеплялись к одежде, – вся осенняя степь была переполнена семенами будущей жизни. Кое-где мелькали колосья пшеницы, все-таки пробившиеся в диком поле из той мирной жизни, которая, казалось, сгинула давным-давно за морями, за долами и за темными лесами. А может, ее и не было?

Когда подходили к краю поля, оно казалось необыкновенно ровным, плавно перетекающим в далекие холмы, а когда ступили на него, сразу обнаружилось множество ямок, колдобин. Но Сашенька и Адам не роптали, а, взявшись за руки, шли себе и шли в широком поле.

– Сапоги потом придется чистить, – сказал Адам.

– Они у тебя всегда блестят. Прямо пунктик какой-то! – засмеялась Сашенька.

– Отец приучил чистить обувь – военная косточка.

Саша чуть было не сказала о своем отце-адмирале, да прикусила язык. Она ведь клялась маме: никогда, никому, ни под каким предлогом не рассказывать об отце. Нет, нарушить еще одну клятву – это было бы слишком! Сашенька остановила себя на полуслове, хотя всю оставшуюся, всю свою долгую жизнь горячо жалела об этом...

– Господи, и зачем эта проклятая война? Смотри, какая прелесть кругом! Поля, холмы. Я обожаю холмы! Смотри-смотри, Адашь, какое чистое небо, какое высокое! Можно, я буду звать тебя Адашь, как твои мама и папа? Мне так нравится!

– Тебе всё можно.

В теплых потоках воздуха летали паучки с длинными паутинками. Одна паутинка прилипла Сашеньке к лицу.

– Слушай, как они летают здорово! – снимая паутинку, сказала она. – Какой удивительный способ передвижения.

– В природе все, Сашуль, удивительно и нет ничего лишнего. Даже мы с тобой. – Он нежно обнял ее за талию и поцеловал в шею. – Знаешь, иногда я чувствую себя как твой муж, иногда как брат, в общем, как самая-самая родня. И удивляюсь: как я жил без тебя? Странно мне все это...

– И я себя когда женой чувствую, когда сестрой, а иногда кажется, что ты мой маленький сыночек!

Адам просиял, и его эмалево-синие глаза налились такой нежностью и такой печалью, что Сашеньке сделалось страшно. Она прижалась к нему и заплакала.

– Ты чего?

– Не знаю. Страшно...

– Чего тебе страшно? Я рядом, и посмотри, какой денек – сколько света, сколько жизни! Успокойся, все будет хорошо. Это у тебя сама знаешь почему, это нормальное явление. Восемь месяцев пролетят... ой-ё-ёй! И ты будешь мама! А я буду папа! Вот уж повеселимся! Ай да Гришук, в жизни не думал, что вот так женюсь!

– Ты сожалеешь? – притворно обиделась Сашенька.

– Ну что ты, глупенькая! Просто такое счастье мне не по чину.

- По чину, по чину! А сын родится, тебя за это повысят в должности!
- Думаешь, сын будет?
- Сын. Обязательно сын!
- Я и против дочери ничего не имею!
- Ну имеешь, не имеешь, а первым у нас родится сын... А ты своим пишешь письма?
- Редко. Я лентяй. Вот, что женился, конечно, надо написать. Мама будет рада, да и отец... Туда долго идут письма – кружным путем, все ведь перерезано немцами, все лучшие дороги. Кончится война, мы первым делом съездим к твоей маме, а потом к моей, хорошо?
- Договорились! А сынок тоже будет с нами воевать до победы? – улыбаясь, спросила Сашенька.
- Конечно, я глупости говорю. Ты ведь уедешь рожать и, скорее всего, там и останешься. Ты будешь ждать...

Некоторое время они шли молча. Летающая паутинка теперь прилипла к щеке Адама. Он снял ее и не удержался, вспомнил стихи Тютчева:

*И паутинки тонкий волос
Блестел на праздной борозде.*

Паутина действительно блестела по всему полю, только вот борозд не было, да и откуда им взяться? Война пашет землю снарядами, вздымает бомбами, рвет на части минами, дырявит пулями – дрянью пашет, дрянью и засеивает, придет черед и этому полю...

– Нам с мамой обещали комнату в настоящем большом доме, а пока мы живем в пристройке к кочегарке, – вдруг сказала Сашенька, – а будет сын, конечно, дадут, точно дадут!

– Как это в пристройке? – переспросил Адам, родители которого жили хотя и в небольшом городе, но в начальственном доме со всеми удобствами.

– Ой! – всплеснула руками Сашенька. – И ничего я тебе еще не рассказывала, а кажется, знакомы сто лет!

– Двести! – засмеялся Адам, показывая необыкновенно белые, ровные зубы. Даже когда он смеялся, его синие глаза оставались грустными, скорее даже печальными, они жили как бы отдельной, своей жизнью.

Перехватив взгляд Адама, Сашенька подумала ни с того ни с сего, что, конечно, хорошо поступил Раевский, что не сделал ее своей любовницей. А ведь мог... Конечно, мог. Только теперь она поняла, что ее любовь к Раевскому была как увертюра к опере, еще и не любовь, а девичья влюбленность – первая, неразменная, платоническая, что совсем не означает: пустая. Нет, не пустая, но как бы оторванная от реальной жизни, как небо от горизонта бывает оторвано первой полоской рассвета, когда еще не показалось само солнце и не расставило все по местам «при беспристрастном свете дня».

Сашенька была благодарна Адаму: его, профессорского сынка, совершенно искренне не смутило то, что ее мать долгие годы работала дворничихой, а теперь рядовая прачка в госпитале. Трудно сказать почему, но, помнится, когда зашла об этом речь, он посмотрел на нее внимательно и произнес:

– Знаешь, если бы моего отца расстреляли, то моя мама, наверное, тоже была бы уборщицей.

Сашенька так сильно вздрогнула всем телом, что ее аж качнуло как от выстрела в упор.

– Ты что так перепугалась? – настороженно спросил Адам.

Да, она перепугалась. Ей вдруг почудилось, что она проболталась ему насчет своего отца адмирала. Может быть, ночью, в пылу объятий и откровений? Или когда?

– Что-то я дергаюсь ни с того ни с сего, – как можно равнодушнее сказала Сашенька, – что-то со мной нервическое. – И она попыталась засмеяться. Получилось не очень искренне,

и эта первая фальшь льдинкой проскользнула между ними и на какой-то миг как бы оторвала, отодвинула их души друг от друга.

– Ладно, – сказал Адам, – не буду допытываться. Всею свое время, захочешь – скажешь.

– Конечно, – согласилась Сашенька, благодарно прильнув к нему. – Боже, какой ты умный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.